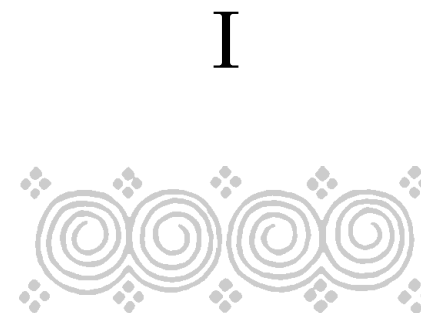

ББК 84 (1Рос=Рус) 6-5
Б52

Оформление, макет
Марины и Леонида Орлушиных

ISBN 978-5-9796-0046-8

© В. Берязев, 2008

© Ю. Кублановский, послесловие, 2008

© М. и Л. Орлушины, оформление, 2008

© Водолей Publishers, оформление, 2008

Л.К.

На берегу обезлюденном
Ставит силки птицелов.
А в поцелуе полуденном
Плавится олово слов.

Через соломинку выпита
Золотоносная мгла,
Та, что в иероглифе выбита,
Та, что в Байкал утекла.

Та, что купальским цветением
Испепелила меня,
Негою и володением
Накрепко обороня.

Вот она, верная иноходь!
Вот и сияет сама –
Влажного вдоха и выдоха
Живородящая тьма.

И торжествует, и властвует,
Пламенна, словно Грааль,
Вечною радостью радостна,
В Божию свита спираль –

В этом струенье нефритовом,
В перетеканье начал

В ритме биения открытого
Плавной волны о причал...

Если есть под рукою песок и зола,
Мы отмоем чугуны добела.

Если есть под ногами зола и песок,
Два полена и хлеба кусок,

Значит, будет очаг и шурпа в котелке,
Ветер в кронах и снасти в реке.

Будут к пламени ластиться пепел и мгла,
И снова разговор игла...

Снова, заново, слышишь, покуда в золе
Тлеет уголь на этой земле!

PARNASSIUS APOLLO*

Он пожаром Трои опалён,
Потому и назван «аполлон».

Розовый, в подпалинах огня,
Разовому времени родня.

Крыл его летучий парафраз
Вспыхнул над поляной и погас.

Он сомкнул их, осязая сон,
На арчине**, снегом занесён.

Книги, каталоги, словари...
Тень свою поэту подари!

В этом освещении косом
Ты, как нежный эрос, невесом.

Украдут жену, пророк умрёт,
Откочует в Азию народ,

Там, где ничего не залатать,
Будет только бабочка летать.

Будет только бабочки крыло
Помнить всё, что верило и жгло...

---

* Аполлон, вид бабочки.

** Можжевельник (*алт.*).

Ну, а ты, одноимённый бог,
Не сберёг ты город, не сберёг.

В пимах, в полушубке раскрытом
И простоволос
Я выйду к ветлам и раkitам
На зимний откос.

Столпы вертикального снега,
Как души сквозя,
Восстанут от неба до неба,
А глуше – нельзя...

Ни тише, ни выше, ни ближе.
Но можно – светлей.
Скрываются белые крыши
В распахе полей.

Восходит как бы по ступеням
В белёсый зенит
Безмолвия снежного пенъе.
И сердце – звенит.

Пуховые две рукавицы,
Подобье ковша,
И родина, словно синица,
Лежит не дыша...

Юрию Шиллеру

А стационарный смотритель
Где-то за Карасуком,
Словно бы давний мыслитель,
Лишь с облаками знаком.

Четверодневной щетиной
Схож со стернёю степной,
Смотрит за тягой утиной,
Клонится тягой земной.

Мыкает рядом корова,
Трогает рогом забор,
Скорый в начале второго
Вздор подымает и сор.

В сини и золоте тая
И сотрясая средю,
Грохот от края до края
Пересечёт Кулунду.

Вздогнет озёр ожерелье,
Птицы замрут в камыше,
И, с непонятною целью,
Станет легко на душе.

Выйдет старик за ограду,
Слушает ветер живой,

Солнце по синему скату
Падает вниз головой.

Счастья не просит у Бога,
Щёку подпёр кулаком...
Небо полого-полого
Где-то за Карасуком.

Наливала стакан молока,
подавала беляш золотистый,
было около так сорока
ей, наверное, или слегка
за... неважно,
уже ничего
не поправить, не выплакать, не
возвратить.
Но смеются глаза,
но подружки из-за прилавка
ей кричат: «Гульчатай, не робей!».
И снующих у ног голубей
распугав, она сдачу считает...

Боже мой, это всё неспроста!
Затаилась её красота,
ожидает чего-то, кого-то...

Так и есть, дальнбойщик хамит,
федеральная трасса шумит,
свищет пламя черёмух с обочин,
джипы, фуры, автобусный люд,
шорох денег и жизни салют,
и проезжего долгие взоры.

Бог на небе.
Любовь позади.
Что поделаешь, сам посуди,

карусель не имеет начала
и конца.

Я рукой помашу,
я архангелу всё расскажу,
пусть поплачет о ней,
пусть поплачет...

НА ВЕРАНДЕ

На веранде дома деревянного,
от зимы еще не отошедшего,
я слоняюсь – сам не хуже пьяного
грузного шмеля, едва нашедшего
выход из норы, где зимогорами
ждали мы тепла насущного
и – поющей Пасхи над соборами,
и – замены тощего на тучного.

На веранде, светом перекрещенной,
с шевельем сора прошлогоднего,
с кучей дров, с извилистой трещиной
на стекле, с остатками исподнего
в банной шайке, с ветхими растениями
на столе, в кувшине, мне подаренном,
я торчу – и глупо и растерянно,
как теленок посередь проталины.

На веранде, сквозняками обжитой,
с верстаком, со стружкой почернелой,
с кирпичом корчагинского обжига
(из него тандыр, быть может, сделаю)
и с рыбачьей снастью, что по осени
на гвоздях повисла, не разобрана,
я опять ворон считаю до семи
и плюю на все четыре стороны.

На веранде, верю я, на родине,
где за огородами – околица,
где лишь самородной боли отдано
все, что окликается и молится,
где еще побуду я, не призванный,
не прощенный пленник мира данного –
братом, человеком, а не призраком,
на веранде дома деревянного.

СЕРДЦЕ-ОБЛАКО

Фонари горят среди бела дня.
Не прости-прощай, а прости меня.

По проспекту вновь я по Красному
Возвернусь к ответу напрасному.

Не ищи меня среди бела дня.
Не прости-прощай, а прости меня.

Я пройду незримо, неслышимо
Сквер, где навсегда стали ближе мы.

Не зови меня среди бела дня.
Не прости-прощай, а прости меня.

Где строка горит – за часовенкой –
Сердце-облако нарисовано.

Дальше к берегу – ширь небесная,
Золотистая да воскресная.

Воротясь домой, не зажги огня,
Не прощайся, нет, но – прости меня...

Ангел мой...
Оттепель, таянье,
Слепну на синей меже.
Тайная область свидания
Не достижима уже.

Но, погоди, не загадывай,
Не торопи, не шути!
В звёздной дали мириадовой,
Там, далеко впереди –

Где-то за мартовским маревом,
То ль на трамвайном кольце,
То ли на солнце миндалевом,
На воробьином крыльце

Встретимся, ангел полуденный,
Встретимся, милая, мы!..
Флейтою, зябкою лютнею,
Как из бродяжьей сумы,

Душу поющую выну я,
Чтобы звучащим лучом
Тонкую нежную линию
Сделать письмом...

НИ О ЧЁМ.

Анатолию Кобенкову

И вновь собеседника нет у меня.
Один у огня.

Лишь тени толпятся у светлой черты.
Дай знать, если ты!

Я трону до дрожи свой верный варган,
Наполню стакан.

В твоём измеренье стаканы пусты..
Садись, если ты.

Мы будем весёлое пламя качать,
Молчать и молчать.

Мы будем о вещем Байкале скучать
Опять и опять.

Без слов, без насады и без суеты
Присутствуешь ты.

В ПЕРЕУЛКЕ РЫЖЕГО ПАРИЖА

В обществе бомжа и нувориша
В переулке рыжего Парижа
Юную француженку увижу
Где-то у вокзала Сен-Лазар.

И она, как девочка на шаре,
Стебельком нечаянной печали
Выгнется, пока в моём бокале
Алая колеблется лоза.

Фонарей оранжевые крабы
Заполняют города масштабы,
В баре окликаются арабы,
И толпа течёт по мостовой.

Что же мы, бродяги и клошары,
Перед ней бездарно оплошали,
Музыке нежданной помешали,
Спора не прервали меж собой.

Скажут мне: «Очнись». И я опомнюсь.
Оборвётся варварский апокриф,
И глотка томительный апостроф
Растворит заветный силуэт.

И другой поэт или скиталец,
Чукча, нганасан или китаец,
Пусть увидит тот же самый танец
Через много-много-много лет.

Чёрный куб,
Снежный ком...
Вы куда, зачем, о ком?

Черета полупоступков,
Полудел, полусует,
Узнаю судьбу по стуку,
По метафоре, по глюку,
Всем спасибо за науку...

От Шатле до Лафайет
Буду ехать, буду ехать,
Чтобы выйти на Речном.

Эта заваль, эта нехоть,
Эта памяти прореха,
Блямба в мире сволочном.

Нарастает, нарастает
Недосказанность, недо...
С вами Бог, а с нами Сталин.
Ничего, что за кустами
Гидры с мокрыми хвостами
В мандрагоровых манто.

Псы – за пятки. Осы – жалят.
Пауки в глаза глядят.

То ли мытари мытарят,
То ли черти комиссарят
Те шикуют, те шакалят,
Жить по правде не хотят.

Я с Господом, наверно, параллелен,
Но близок ли? – ей-богу, не уверен...
Какая-то безмерность и тоска.

От маеты манхэттенских помоек,
От суеты приятельских попоек
Спасают алкоголь и... облака.

Кто мне сказал: суть времени – пустыня?
Что плоть горчей, чем выгнившая дыня?..
Из желчи, из печали, из огня –

Рука,
    река,
        порука, пробужденье
И смех, и свет на место наслажденья.
И не Потоп, а прах после меня...

Поди сюда, мой мальчик-виночерпий,
Молчи и о сыновней и дочерней
Любви...

Мы о разврате ни гу-гу.

Пусть все дороги довели до Рима,
Пусть вечность с верой несоизмерима,
Я жду, молясь, на русском берегу.

Весь январь в Сибири минус три,
Отгремели праздника кастрюли,
Отцвело ТВ. И на гастроли
В город прилетели снегири.

Друг вернулся с острова Бали,
А жена – из нашего Вьетнама,
Из Юго-Восточного бедлама,
С вечеринки демона Кали.

А в России чинят костыли
И уже не ездят на трамвае,
Есть тому основа правовая –
Льготы поменяли на рубли.

Старики, как в море корабли,
Родину покинули навеки:
Белые, родные человеки
Парусами канули вдали.

Только снег. И Бога не моли,
Всё равно идут вослед за нами
Если не проклятья, то цунами
По всему периметру земли.

Бахыту Кенжееву

По темпу, по тембру, по трембу ли
В сонорном биении строки,
По холодку укромному – от выдернутой чеки –
Под ложечкой,
По заветренной,
Солёной, как воблы хвост,
Улыбке слегка замедленной,
Тоски и любви внахлест,
Узнаю тебя...
Хлопцы выкрали
Не яблоки Гесперид,
А то, что над божьими играми
Само по себе царит.

Ты скажешь: «Оно, пожалуй, что –
Не выкрали, а дано
И будет по ангельской жалобе
С позором возвращено
Хозяину». Да, владельцу
Всех благ и даров живых,
Родителю и радетелю
Созданий передовых.

Но племени каина-ленина
Не сделан Большой Апгрейд,
Трёхсотое поколение
На грабли, на гроб, на грех

Ступает с печатью эдемовой,
Гораздо своё творить,
Снуют по дереву демоны,
Ветвится слёз алгоритм.

Отнимется, всё отнимется,
Вот только таланта жаль.
Галеры, колхозы, кибуцы,
Алтай или Монреаль,
Реклама на ветхом рубище
И рубище без заплат,
Гноище, пристанище, любище –
Места, где сам чёрт не брат.

Но, чтобы чего не вынули,
До срока, покуда жив,
Невинную рожу вымою
И вымараю негатив.
Сухой мадеры баллончиком
Залью поэзии чип,
Нищя́я духом уклончивым
И дурака включив.

Ко мне в субботу, тихо,
Из храмовых руин,
Как баба-бабариха,
Является раввин.

Меня печали точат
О родине святой.
А он бубнит, бормочет
О рыбке золотой.

Мол, Пушкин – сучий потрох –
Напутал, наследил,
Зачем он пару хворых
У моря посадил?

Из-за чужой корысти
Мытарил старика,
В засаленном корыте
Стирал бельё греха.

Оно подумать только –
Пустился на подвох
И соблазнил потомка:
Ведь рыбка – это Бог.

Наш Яхве потревожен,
Все требуют любви,
Но старый мир безбожен,
Ты моря – не гневи!

.....
.....

О, что мне делать, рыбка!
Не я Тебя ловил..
А время – зыбко-зыбко,
А тело – хлипко-хлипко,
И ласкова улыбка
Хранителя могил.

МАРУСЯ

Торчит рубильник.
Молчит мобильник.
Держись, Маруся, не умирай!
Быть может, викинг,
Приедет викинг,
А может, даже и самурай.

У самурая судьба такая –
Ему кого бы завоевать.
А ты, на страже родного края,
Ты возле бани, ты у сарая
Его захочешь поцеловать.

И меч отнимешь, и так обнимешь,
И не обманешь его надежд,
И он утонет, как город Китеж,
Холмов величественных промеж.

Во тьме кромешной, в соломе рыжей
Он позабудет про свой позор,
«Тошибы» славу и «Мицубиши»,
Пойдя на службу в Ночной Дозор.

По всей Сибири уполномоча
Себя дежурить, японка-мать,
«Сарынь на кичку!» и «Экимоча*!»
В патриотизме начнёт орать.

---

* Высшее наслаждение, кайф (*яп.*).

И он построит, с тобой построит
Всё, что варягам не удалось,
Чтобы работал на всех андроид,
И мирно детям везде спалось...

Встал с утра. Носок заштопал.
Помолился на восток.
Похристосоваться чтобы –
Карла Маркса пересёк.

Вдоль арахиса, изюма,
Вдоль ларёчного стекла,
Мимо рынка, мимо ГУМа
И Покрышкина-орла.

От горластых и торговых,
Златозубо воронных
До седых и бестолковых,
Старых, маленьких, родных,

До согбенных и недужных,
Накопивших на свечу,
Никому уже не нужных,
Даже дроле-палачу.

Из Гоморры и Содома,
Где душа без дна пуста –
До архангела,
до дома
Спаса Господа Христа.

Зачем на фейсе президента
Орёл двуглавый не горит?
Зачем не учит он иврит,
Не пьёт горилки и абсента?

Зачем он умников своих
Не посылает на три буквы?
Зачем развесистые кюквы
Не гонит ввысь державный стих?

Зачем последний олигарх
Не удавился на осине?
Зачем в молитвенной пустыне
Не проклял Папу Патриарх?

Затем ли, что уже ничто
Не может возратить утраты,
Что все мы вкуче виноваты,
Народ, как говорил Бато,
Поизмельчал, другого нету.
Но, может, миссия его
В самопожертвованье, о-
плодотворяющем планету.

ЗВОНОК ПИФИИ

ПОЭМА

ПРОЛОГ

Он уже уезжал,
Но вернулся, машину попятил,
Лязгнул ключ,
И в прихожей моргнули, ожив, зеркала.
Взял перчатки,
мобильник у края стола:
– Экий дятел!
И себя как-нибудь позабуду
Не со зла...

Он подумал,
Что сумрак квартирный,
Как чуткая дрёма собаки
В ожиданье хозяина,
И – что загадка зеркал
В невозможности существования,
паки-паки,
За пределами созерцания
И творящих начал.

Усмехнулся мудрёности
И шагнул, и уже на пороге
Телефонный звонок
повернул его вспять.

«Ну, кому ещё нужен я,
евразийские боги
И япона-мать?!»...

Треск сухой, белый шум,
Уходящее эхо,
Женский голос откуда-то
очень, очень издалека:
– Срок истёк,
остаётся семь дней...

И – свистящего вихря помеха.
Звон. Гудки.
На отлёте –
долго-долго трубку держит рука.

– Бред какой-то! Семь дней?
Как же так? Невозможно!
Я ещё не готов. Неужели финал?..
Но – колотится сердце,
но рука задрожала не ложно.

Да,
похоже, ты знал...

* * *

Было странно потом –
Вроде, стыдно и глупо бояться,
Сумасшедшая баба
позвонила незнамо куда,

Но у названных дам
не бывает таких интонаций..
В общем, да.

Медленно,
как ползущий ледник
И неслышно, как рост сталагмита,
Время движется в нас –
от рожденья до детских чудес,
Так в сознании Рода
тянулись века мезолита,
Пока не повзрослели мы,
и покуда Один не воскрес.

Время – центростремленье,
чтобы сердце от страсти взорвалось,
Центрифуга души,
чтобы тело в песок утекло..
Время лишь для того,
чтоб не было, а только казалось,
Не любило, а жгло.

И – мельканья среди,
в ускользании дней мимолётном,
Когда кадры дробятся, сливаются
в веерный след,
Вдруг заявлено, сщежено
голосом полудремотным:
Время вышло, увы,
для кор-рек-ции хода обратного нет.

Не исправить судьбу.
Тот распятый разбойник
Оказался счастливецом,
спасенью в глаза заглянув.
Ты на кладбище лет,
ты всего лишь ходячий покойник,
Заведённо глотай
сна цикуту, зари белену...

Пожирание жизни
завершается победоносно!
Клип за клипом, игра за игрою,
show must go on,
Но стекает забвеньё
подобием крови венозной
Невозвратной тропой –
в Ахерон.

ЭПИЗОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Хорошее начало.
И, пожалуй,
мне лучшего не надо для поэмы,
когда бы не исчерпанность... в зачине
есть некий фатализм, уже программа
запущена, и золотые диски
вращаются со свистом, пистолет
нацелен, и взведён курок, и Муза
скучает в ожидании развязки:

«Ах, бедный Йорик, жертва Голливуда,
допрыгался»... Вот то-то и оно.

I

Не тошно ли проторенной дорогой,
без приключений, в заданном режиме
проехать от завязки до финала?
Ну, что там?
Перепуганный герой,
конечно же, пророчеству поверил,
в нём холод и смятение, и горечь,
он хочет скрыться, он почти раздавлен,
не далее как год тому назад
подобное с его ближайшим другом
случилось, назовём его Иваныч,
Иванычу приснился в день рожденья
престранный сон – опять же телефон
звонил на грани морока и яви,
Иваныч отвечал: «А кто вам нужен?»,
и голосом неведомого пола
ему в ответ: «Восьмого ноября
умрёте вы»...
Да, да.
Он пробудился.
Он рассказал домашним. Посмеялись.
Но пролетело лето. Отрешён
все месяцы был друг,
как будто тело

отдельно от души существовало,
он всех жалел, он всем прощал обиды,
но иногда почти не узнавал
товарищей, лишь чуть кивнет, и снова
куда-то устремится, будто видит
страну, что нам неведома покуда,
о бремя обречённых!
не дай Бог
нам знать свою судьбу.

Похоронили
Иваныча в ноябрьскую стужу.
Небесной манной сыпали снежинки,
и плакал губернатор, а герой наш
вдруг ощутил себя у края бездны,
кто следующий?
Впереди – зима.

II

Ах, пифии проклятые, зачем вы
смущаете покой непросвещённых
и легковёрных смертных? Наше дело –
жить без оглядки, жить, покуда есть
желание, пока Господь не принял
за нас своё решение, покамест
есть нечто, подающее надежду
на то, что не исчерпана любовь.

А если – нет? Тогда ничто не держит.
Гуд бай, прости-прощай, ариведерчи,
Но прежде ЧЕМ... ещё раз, Бога ради,
Хотя бы без отчаянья – уйди.

III

Не буду называть, он безымянен,
он имярек, герой моей поэмы,
NN или она, а в этой главке –
мужчина средних лет, который вдруг
уверовал, что время завершилось,
всего семь дней, уже другой вселенной
не изобрести для личного спасенья,
ты больше не творец и не хозяин,
куда, родимая, бежать?

IV

Он заметался... В храме было пусто.
Христос не разделял его сомнений
и страхов, а живительные слёзы
вскипели, но, увы, не пролились,
он не готов был...
сердце громыхало,
обидою щемило подреберье,
он кинулся в деревню, дальше, дальше
от мятых лиц и взглядов, от нужды

изображать спокойствие и бодрость,
но, выскочив на трассу, удивился,
что **быстро** ехать боле не способен,
так, как привык за жизнь, он жал на тормоз
при виде встречных, он искал угрозу
за каждым поворотом и кустом,
он крался, дорожил собой, надеясь:
а вдруг всё бред, неправда или глупость,
а так со страху дёрнешься и вот он –
финал.

V

В усадьбе, на краю большого бора,
он баню истопил, поставил чайник
и порешил неделю отсидеться,
мол, чему быть, того не миновать,
но нет его смятению покоя,
деревня любопытна и жестока,
всяк норовит заботой и советом
развеять свою скуку, он узнал,
что по его усадьбе ходят козы,
поскольку нет щеколды на калитке,
что не сложил поленницу как надо
и что забор завалится вот-вот,
а за его отсутствие, за месяц
уже не стало Сеньки-рыболова
и бабы Маши, и ещё Вахтанга...
один в Оби утоп средь бела дня,

другая у троих сынов обузой
быть не смогла, преставилась, а третий –
во всей округе главный генацвале,
ковбой грузинский, истинный хозяин,
в короткой перепалке с пастухом
за грудь схватился, рухнул и – поди ж ты,
вдова в слезах, а сто голов скота
ревут по стойлам.
Это ли не карма?

VI

Он, в лабиринте сна перемещаясь,
то над горами в залежах тумана,
то в глубине пещеры, чреве шахты,
где меж теней, в рассеянном луче
предчувствуется выход на поверхность,
то среди скал подводных, где рябое
над головой колеблется пятно,
блуждал, витал, мучительно надеясь,
что самочинно выйдет из ловушки,
но вмиг туман смыкался, и бросало
его на осыпь мокрую, катился
по скользкому курумнику, а следом
вдруг упирался рёбрами в тупик
сырого подземелья, наконец,

он вынырнуть пытался, но за ноги
цеплялись, как лианы оплетая,
прилипчивые водоросли, Боже,
он с этим словом, кажется, проснулся:
«Я снова жив, я есть! Надолго ли?».

VI

Над голограммой облака в заливе
два гоголя тишайше проплывали,
мой визави устал бродить по бору,
по берегу, где каменный карьер
оставил битый мрамор и железо,
изломанное бурями эпохи,
Империя подлеском зарастала,
да утопал Горыныча скелет
в чаду бурьяна и чертополоха,
земля свои зализывала раны
сперва дурной травой, потом подростом...
ворона глянет через тридцать лет –
и следа нет срамного динозавра,
и мы, его рабы, повымирили,
одна лишь равнодушная природа,
увы, увы, без Пушкина уже.

VIII

И в шелесте листвы, и в шуме леса
есть память о морском происхожденье,
волнующая память; он вернулся
почти что убаюкан, во дворе
ходили куры во главе с горластым
и по-гусарски важным ухажёром,
герой мой захотел поесть, конфорка
фиалкой газа вспыхнула, вода
чуть розовым от косточки бараньей
окрасилась, он луковицу бросил,
убавил пламя и решил картохи
с полдюжины из подпола достать,
откинул крышку лаза, обнаружил
привязанную к лестнице верёвку,
подумал, э-э, друзья понаследили,
уже с неделю как тому назад
они гостили в доме, пировали,
удачную рыбалку обмывая,
тогда же, ну, как раз об эту пору
(он вспомнил!) по мобильнику звонил
Димитрий, говорил, что всё закрыли,
что ключ в условном месте, что одно лишь
всех огорчает: не смогли осилить,
уехали, а в подполе, на дне –
решётка-гриль с остатками улова,
с десяток – и подъязки, и сорога,
спустили вниз, но в спешке позабыли,
боялись – не успеют на паром.

IX

Души наоборот не существует,
её изнанки лучше бы не ведать,
тяги же за верёвочку, дружище,
и столькое откроется...
он ждал
подобного чего-то, но увидев
на месте рыбы – только копошеньё
червей могильных, облако распада,
лицо Горгоны, тлена белый шум,
он чуть не закричал,
их были тыщи,
они ползли, клубились, осыпались:
ужели дух покинул нас, ужели
всё кончится вот так и навсегда?
где сети ваши, кто меня уловит,
кто сохранит для смысла и молитвы,
вы были рыбаками в Галилее,
заведомые Пётр и Андрей,
хлеба там стали телом и пролилось
вино живую кровью, рыбы стали
нетленным знаком жизни – эти мысли
герой навряд ли складно изложить
тогда б сумел, но близкие терзанья
испытывал, пока улов протухший
и пожранный опарышем до праха,
выбрасывал... и чистил дом и сени,
дрожа от омерзенья и стыда.

X

Увы, его деревня доконала
той неизменной бунинскою правдой
и простотою смерти, он сбежал,
не выдержав назначенного срока,
всё чудилось слепое копошеньё,
всё представлялось, что уже под кожей
та толчея гниенья началась,
нервишки дребезжали, но не стало
ни страха, ни тупого береженья
себя родного, он погнал машину
чуть резко, но уверенно... Ордынск
с паромной переправою – скрывался
в дали зеркал, всё больше умаляясь,
часовня Заволокина мелькнула
и мост, где он погиб, помилуй Бог,
и дальше сотню вёрст за час неполный
он одолел, тихонько напевая,
мол, «выхожу один я на дорогу»,
а дома глухо запил,
никому
и ничего впотьмах не объясняя,
перебирая ощупью былое,
быть может, полагая –
будет проще
переходить из морока во мрак.

XI

Но на седьмые сутки от исхода
он вынырнул – глубоких погружений
с ним не случилось, только в мелкой луже –
на грани сна и полузабытья,
где память и сознание не размыты,
а действуют в немом оцепененье
и подмечают: что же происходит
во мнимых иль невидимых мирах...
он вынырнул ещё хмельной и вялый,
но с радостным одним воспоминаньем,
видением – реальнее и ближе
всего, что под рукой и за окном,
он ТАМ от умиления и света
почти что растворился и растаял,
и непонятно – женщина ли ангел,
кто излучал такую благодать?
он был ещё пронизан и напоен
всем этим, словно тело изменилось
и стало лёгким, он запомнил запах –
там каждый звук и луч мироточил,
и странно, что, очнувшись, он всё также
улавливал его, как будто тело
воссоздало молекулы и токи
сего благоуханья, он поднёс
к лицу ладони и вдохнул, и долго
кружил в залитом золотом пространстве,
где лишь покой и музыка венчанья...
и он заплакал тихо и светло.

XII

Дотла, до дна... и мгла золою стала,
ни проблеска, а путь лежит далёко,
померкли звёзды, и песок пролился,
и – ничего исправить не дано;
всё это сказки тронутых поэтов
и дервишей бродячих, никакого
раскаянья не хватит, чтоб исправить
нажитое за глупые года,
не искупить ни страхов, ни сомнений,
ни мерзостей, и вряд ли в одночасье
простишь (когда за жизнь не научился)
обиды, оскорбления и злобу...

тревога оккупировала полночь,
тревогою немеркнувшей и жгучей,
как дверью луч в зашторенной квартире,
щемило грудь, он вспомнил о любви,
о той последней, горькой, неизбытой,
о той одной, которая навеки,
и что-то вдруг, как птаха, заметалось,
затрепетало, словно о стекло
душа его невидимая билась,
ну, вот и всё, он весело подумал:
я не успел, как прежде, отшутиться
на полную катушку... по ногам
сначала стужей дунуло, а следом
колеблемая тьма возликовала,
и до груди прибойными волнами

вновь докатился хлад небытия,
он вышел на балкон – к ночному небу,
уже в гортань выпрыгивало сердце:
на всё, на всё твоя Господня воля,
за всё, за всё готов держать ответ...
и трижды! разрушительным цунами
он сокрушён был, смят и исковеркан,
и схлынуло, и следом наступило –
прощение, покой и тишина...

ЭПИЛОГ

Не верьте байкам, опусам и бредням
всех, отягчённых страстью и талантом,
они готовы собственную гибель
изобразить в пророческих тонах,
рассказанное здесь – имеет место
быть иль не быть, кому какое дело,
а грани между вымыслом и правдой
и не существовало на земле.

*ноябрь 2005
Новосибирск*

II

Ты купишь мне цветущий цикламен,
Взамен любви и нежности взамен.

Зима настанет, долгая зима,
Но мы сумеем не сойти с ума.

Сегодня снег и завтра тоже снег,
И сумрак не кончается вовек.

В ночи – горящий город над рекой
Окутан то бураном, то пургой.

Но этим снегом с четырёх сторон
Наш старый подоконник озарён.

И стынет чай. И плавится лимон.
И видит сон премудрый Соломон.

Я вижу сон, ты тоже видишь сон,
И песнею истаивает он...

Как странно жить в эпоху перемен –
Взамен любви и нежности взамен.

Меж рам заплутавшая муха
Жужжит веретёнцем седым...
Пряди же молчанье, старуха,
Пылящим лучом золотым.

Махровый закат георгинов
С печатью морозного сна...
Инкогнито, ложе покинув,
Смётся, а дама бледна.

Но – кто она? Плачет Арахна,
Все сети по ветру летят.
Пора, но, помилуй, как рано,
Ещё не осыпался сад.

Ещё... Но в обугленных грудях
Уж нет и подобия грёз,
Ах, сударь, всё это всерьёз!
.....
И осы в картонных сосудах
Погружены в анабиоз.

Все ульи укрыты в омшаник,
Все угли уснули в золе...
Тишайшая осень. Лишайник
Пылает на голой скале...

БУДЬТЕ ПРОХОЖИМИ

«Будьте прохожими», – он говорил.
Не оставайтесь надолго
Возле родни, возле милых могил,
Возле любимого дома.

Клонится лето, а путь наш далёк,
Клонятся силы и сроки,
Но не погас золотой уголёк
Там, над зарёй, на Востоке.

Веки смыкаются, но преклонить
Голову негде на свете,
Только любви серебряная нить
Мимо заботы и смерти.

Сердце смирая, ты не оглянись,
Шаг не замедли, не дрогни.
Светлые ангелы падают ниц,
Демоны злобу хоронят.

Будет душа твоя на небе цвель
Чистой звездой-сапфиром.
Галилеянина блага весть
Не умолкает над миром.

ПЕСЕНКА МАМЕ

Ничего не говори,
Ничего.
Мы уедем на покос
С ночевой.

Под клубнику мы возьмём
Два ведра
И гармошку, чтобы петь
До утра.

Пусть в сельпо голым-голо
И учёт.
Мама сладких пирогов
Напечёт.

Мама будет хлопотать,
Провожать.
А мы будем всякий раз
Уезжать.

Годы стронулись – цветной
Хоровод.
Мама, я уже не тот,
Да, не тот.

Рукавицы распусти,
Не латай...
Ведь Кузбасс уже не твой,
И Алтай.

Там, в Тавриде – край земли,
Моря край.
Я прошу тебя, прошу:
Не хворай.

Лишь бы мог я, воротясь,
Сгоряча,
Прислониться до родного
Плеча.

ДЕВУШКА С ПЛЕЕРОМ

Четыре серёжки,
четыре серёжки
и плеера сереброклювый жучок
у капельки-мочки,
чок-чок,
за маской молчанья,
чок-чок,
тимпаны звучат
и бьют барабаны, звенят колокольцы,
мелодия-змейка-свирель
струится под сердце,
о чём?
о чём ты задумалась, рыжая чёлка?
автобус над Обью несёт,
и краны, и трубы,
пролёты и баржи,
и вешние воды,
и прежние марши,
и всё это мимо, и наше, и ваше,
и ты – на виду и одна –
поют, перед юной душой не робея,
Земфира, Чезариа и Пелагея,
а в небе лабаёт весна
за ради неё!
обломайся, приятель,
она –
прозрачного мрамора розовый кратер,
звучащая раковина...

Малого слова па́губа...
Бурая простыня.
И уплывает, как палуба,
Облако из-под меня.

Ре... а потом, анимация.
Между ключицами – крест.
Только успел собраться я,
Ан – не хватило мест.

Каплют часы по капельке.
Голуби снег клюют.
И по лучу, как по кабелю,
Ангелы так и спуют.

Пусто, как в годы кризиса.
Где-то поёт Алсу...
Вот бы до жабер высосать
Кильку или хамсу!

Пива бы – холодильного
Пол и ещё полглотка.
И поцелуя дивного
Чуть пониже пупка...

*февраль 2000
Академгородок, МСЧ 67*

ДЕРЕВА В ОБЪЯТЯХ СНЕГОПАДА

Дерева в объятых снегопада,
Дерева,
От Оби до Хладокомбината –
Глушь и марева.

Лабиринт снегов нерукотворный
И души
Обмирает в Господу покорной
Пустоши.

Выстужена до преображенья
Родина,
В жертву для любви-богослуженья
Отдана.

Вот оно, усилие полёта...
Выпротай
Душу из пурги круговорота
И растай,

И останься, чтобы по сугробам
Выбрести,
В ожиданье милости за гробом,
Милости...

Залив Таманский пепелен и нем,
Ржавеют листья, иней на ограде...
Лишь дрожь и мука желтых хризантем,
Как будто плач и просьба Христа ради.

Безотчий...
Отчего это со мной?
Песок серее самых серых буден.
Нам не уйти от жизни жестяной,
Не так ли, землячок Егор Прокудин?

Мир – без любви.
Сапожник – без сапог.
Эринии вопят, как на эстраде...
Эвксинский Понт шумит, как римский полк
Периода военных демократий.

Обнажённый песок,
Как погост затонувшего леса.
Сеть висит на суку,
А рыбак говорит о любви...
Ничего, ничего,
Кроме близости, кроме отвеса
Тальниковых ветвей
И упругого шума хвои.

Сосны клонят вершины
В суровом молитвенном братстве.
Нам бы так потрудиться,
Всю жизнь свою службу служа.
Есть куда вырастать,
Есть, ей-богу, на что опираться,
И не так ли трепещет
От горнего света душа?..

Не чужой, не чужой
Мир с простым и понятным уставом
Будет мерно баюкать
В смолистом покое дитя.
Отпадёт рычажок
Нетерпенья в рассудке усталом,
Как сухая чешуйка
Соцветия после дождя...

Уж-ж – скользя златолаво –
Уйдёт в потаённые норы.
Вновь раскидывать сеть
Уплывём на высокий простор!
Вороватые чайки
Закричат, как античные хоры,
Но не надо, не надо – наш путь:
Сотворение, а не повтор.

Бродить средь скал
И облаков,
Искать следы
Былых веков,

Чеканки каменной
Зерно,
Родов пропавшее
Звено.

И звон камней,
И топот коз...
Здесь только кости
И навоз.

Быть с этим небом
Заодно
Нам и дано,
И не дано.

И след за кормою,
И вкус земляники во рту,
И небо,
И шлейф облаков из-за дальнего леса.
Меняются чайки
На долгом парома борту,
Звено за звеном
Поднимаются с кромки железа.

За крошками хлеба,
За-ради жестокой игры,
В воздушном бою,
На форсаже, на самом пределе!
И крики, и гвалт поднебесный,
И визг детворы,
Как чистая линия,
Тонкая пряжа кудели.

За белою чайкой
Поднимется в небо пацан –
Дворовый пройдоха,
Придумщик, малец конопатый,
Он стал капитаном,
Антошка, Антон, Антуан,
Штурвал на себя, до отказа...
Но только куда ты?

Куда ты, малыш?
Имя Чести уже не в чести.
Пустынна планета.
А звёздам без нас одиноко.
И как без тебя
Будет алая роза цвести
На лиственном склоне
Златого Алтая отрога?..

Мне сосед предложил две молочных козы:
– Покупай, – говорит, –

От Чингисов до самой Ордынки степной
Лучше нет, – говорит, –

Как подоишь козу, как попьёшь молока,
Станешь сильный батыр,

А вторую подоишь и снова попьёшь,
Станешь мудрый батыр...

Где ты, Хлоя моя, золотая моя?
Эта сказка про нас!

Я подую в дуду, я по свету пойду –
Молодой козопас!

На Большом Яломане вдоль русла лёд,
А вода, как жидкий кристалл течёт.

На Большом Яломане, прозрев к весне,
Полыхает багульник на крутизне.

В золотую кольчугу одет Алтай,
Эхом эпоса слышится: «Маадай!»...

В синеву вновь возносятся без помех
Склоны горные – выцветший лисий мех.

Всё случается вовремя, как всегда,
Закипит в клюве ворона кровь-руда.

Я вернулся, я вышел на старый путь:
Оглянуться можно – нельзя свернуть.

ПРИЗРАК СЕЛЕНГИНСКА

«Дикости дичее одичанье», –
Грустный Битов, кажется, заметил.
Но забвенью хуже, много хуже.
Если ни бурьяна, ни руин,
Если всё затянуто пустыней
Или степью, если даже след
От дворцов, дацанов иль усадеб,
От дворов гостиных и казарм,
От рядов торговых, от погостов,
Крепостцы, часовен и мостов,
Даже след уже неразличимо
Затерялся в мареве пейзажа,
Даже след ушёл в сухую почву
И запутан жёсткою стерней,

То-то страшно...

Быть, и знать, и ведать,
Что вот здесь, ещё не боле века
Город был, и жизнь всю кипела,
А теперь – трава, трава, трава...

На моторке долго-долго плыли
Селенгой, минуя Конский остров,
Вон скала с названьем Англичанка,
Память о разлуке и любви,
Вон, вдали, Бестужева могила,
Он любил Бурятии просторы,

Так и жил с мольбертом над рекою,
Уж иной свободы не ища.

Нет давно ни пристани, ни взвоза,
Берег крут, а полдень беспощаден.
Друг мой, всех ойротов предводитель,
Ты зачем меня сюда привёл?

Время издевательски надменно
Замело, замыло, источило
И труды, и меты, и могилы...
Жёлтый панцирь, старая трава
Укрывает почву городскую,
А над этой хрусткою циновкой
Уж во всю цветёт, шумит другая,
Ныне и вовеки – лишь трава.

Разорвав холстину ломких стеблей,
Чтоб могильный камень обнажился,
Я не смог ни имени, ни даты
На бугристом фоне разобрать.

Друг мой, что ты ищешь в этом поле?
Даже если славный хан джунгаров,
Хан Амырсана, последний воин,
Где-то здесь был тайно погребён,
Он давно травой повит и выпит,
Он давно кочует белой Степью,
С белым стадом, в белой-белой юрте,
Утешаем словом бодхисатв.

Не ищи, не тщишь,
Травую знойной
Не броди по призрачному граду,
Лишь ковыль да чабер вместо улиц,
Вместо хижин – пижма да осот.
Да цветы мельчайшие – ползучей
Неизвестной, цепкой, мелколистной
Травки, что над полем источают
Запах, сладкий запах,
Словно тлен,
Тлен прошедшей жизни проступает
Из состава гумуса и камня!

И встаёт, дрожа, над Селенгою
Города умершего мираж.

Я уже устал от кока-колы
И мадера мне не по душе,
Старые татарские глаголы,
Как ледышки брякают в ковше.

Ломит зубы воздух полусонный,
В тишину завёрнуты мозги,
Вечера белёдые кальсоны
Вётлами полощет у реки.

– Энкиду! – кричу, – куда ты делся?
Отчего пустынен водопой?
От меня укрыться не надейся,
Я иду по следу за тобой...

Из Баян-Ульги в сады Буяна,
Где пылает пламенный цветок,
От «Хаванагилы» до Корана
И до лотофагов на Восток.

Смерть уже не месть и не преграда,
Время истончилось, как ручей –
Сон зеленоглазого смарагда
И бряцанье тысячи ключей.

Друг мой, на кругах, на Божьих дисках
Путь любви прописан от и до...
И звезда срывается на дискант,
Где чистым-чиста вода со льдом.

Михаилу Вишнякову

Когда бы не кочевний бег
Да нищета,
Я был бы данником вовек
Твоим – Чита.

Но не тягаться мне с судьбой
В мои лета.
Одна под чашей голубой
Лежит Чита.

Вокруг земля на тыщу вёрст
Как дом – пуста.
И стынет звёзд осенний воск,
И спит Чита.

Куда бы не поехал ты –
Кругом тщета,
От Колымы до Воркуты –
Одна Чита.

Где говорят на русском языке,
Там я и буду пить своё sake,
А также араку, вино и брагу,
Поскольку для меня для дурака
Господь не создал лучше языка,
Не затворил целебную корчагу.

Из мухоморов сому я сварю,
Не заплатив акцизное царю,
И, оседлавши жёлтого дракона,
Я полечу, камлая, как Боян,
Через Саян, на море-океан,
Во царство Благодати и Закона,
Где жив ещё пресвитер Иоанн...

*22 мая 2007
Усть-Каменогорск,
родина найманов-несториан*

Рахмат – судьбе, а времени – welcome
Скажу, однажды выйдя на балкон!
Ты кроною уже отшелестела,
Любезная, как роцца, жизнь моя,
Но непривычно кошке без жилья,
Не по себе – душе без тела.

И замолчит мобильник за спиной,
И позабуду о стране иной.
Где лишь дела, события, заботы
Да суета... А колокол звенит,
Зовёт тебя, монгол, еврей, суннит,
Германо-галл – неважно кто ты.

Простимся, спутник! Или сателлит?
Похоже, что без нас уже делить
Наследницу Потопа, Антарктиду,
Народы станут... Шибко не горюй,
Оставим на ступенях поцелуй
И помолчим – хотя б для виду.

Я много путешествовал. Земля
Без мусора, по правде говоря,
Без нас, – куда разумней и прекрасней.
И, Боже мой, какие небеса
За каждую излучиной и за
Звездой крестообразной!

СИБИРСКИЙ ЭКСПОРТ

Ради самообороны
Мы поставили в Иран
Бронебойные патроны
И реакторный уран.

У Персидского залива
Наша родина в чести –
Будет мирная олива
Краше прежнего цвести.

Веселитесь, мусульмане,
Есть у русского туза
В оттопыренном кармане
Вот такие чудеса!

Больше нефти, больше жизни,
Выше – славу Хомейни!
Это вам не при фашизме,
Дядя Черчилль, извини...

*12 сентября 2007
Новосибирск*

Б.К.

«Самое главное – это стихи», –
Так говорят на Оби остяки.

Если увидел на льду остяка,
Знай – он стремится по следу стиха.

Нет без любви и без веры стихов,
Нет без улова живых остяков.

Всяк, переполненный свежим стихом,
С Пушкиным родственник и с остяком.

Без вдохновения, по пустяку
Ты не ходи на поклон к остяку.

Проза презренна. Не будь простаком!
В солнца сиянии – стань остяком!

Загрустит над срубом журавель,
Мол, одна дорога – в Куршавель,

Закурлычет вслед за косяком,
Полетит по небу босиком,

Над станицей, Господи прости,
Ты, бабуля, нас перекрести,

Над рекой, над полем молодым,
Там ли вьётся Прохоровки дым,

Там ли бьются с врагом братья,
Там ли, там ли вылупился ты?

Там скрипит под ветром журавель,
Что одна дорога – в Куршавель...

*16 мая 2008
Н-ск*

III

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

I

Перед приходом Майтрейи
Вздрогнул Алтай.

Перелистайте скорее
Полымя тайн.

Освободите скорее
Тайн полымя,

Чтобы из Гипербореи,
Шею сломя,

Словно разгромленных армий
Спецэшелон,

Орды израненных гарпий
Ринулись вон.

II

Перед приходом Майтрейи
Горы строги.

Мерные – слово и время –
С новой строки.

Скалы – в лишайнике алом.
Склоны знобит.

Камень, при входе к мандалам,
Полузабыт.

Ящерокрылой долины
Мелос немой.

И Святогор из былины –
С полной сумой.

АРИСТЕЙ

Некоторые говорят, что Аристей из
Проконнеса, прибывший из страны
гипербореев, был учителем Гомера.

Страбон (I, 2,10; 14, 1, 18)

Гипербореец обучал Гомера –
Гласит молва.
Степи и звезд сияющая сфера,
Ковыль-трава,
Пространство пожирающие кони,
Судьбы кудель,
И песня о прекрасном Аполлоне
У храма Дельф.

О, кто б ты ни был – ветреный хозяин
Златой стрелы,
Чей дух постиг эфир неосязаем,
Кто тело мглы,
Как трассером, поэзией пронзая,
Прошёл сквозь мир,
Чтобы живую музыку глотая,
Ахейских лир
Запели струны, скифии не помня,
Алтая вне!
Восстал чтобы другой, героям ровня,
Слепой вполне!..

С тех пор летит стрела, летит, грохочет,
Грозь-свища!
Сверкает, чудодействует, пророчит,
Родно ища.

Что заставляет душу живу
Терзаться в поисках пути?
Зачем колеблемую ниву
Лелеет поле на груди?
И кем приказано: «Лети!» –
Птенцу на высоте скворешни?
Кто шепчет: «Лишь любя, воскреснешь!
Не только смерть напереди»...

Иди и верой остуди
Сухую скорбь существования,
В метельном мраке упования –
Майтрейя,
Иисус,
Махди...

На диком берегу...
К. Рылеев

Снова коровы ревут.
Утро деревни.
С берега на Умреву
Тарской царевны
Тянется лугом фата,
А за туманом –
Вновь багрянится вода
Над атаманом.

И с Иртыша до Оби –
Тарой, Чулымом
Сколько назад не гребли –
В неразделимом
Времени, сердце, огне
Вместе поныне –
В небе, в могиле, на дне,
В алой полыни,
В стане стальном Ермака,
В ставке Кучума...
Всех породнила река,
Родина, дума.

Вновь погружаемся, брат,
Дальный и вольный,
В перепелиный закат,
В пепел окольный.

Снегири садятся на сирень,
Стряхивают снег и семена.
На снегу бурят Дамба Церен
Повторяет Будды имена.

Мой Дамба Церен – большой лама,
Голова обрита наголо,
И халат оранжев, как хурма,
И среди зимы ему тепло.

Он в сугробе радостный сидит,
«Аум», – говорит и – «Падмэ хум».
Он не горд, не пьян и не сердит,
Он спокоен как рахат-лукум.

Ползают синицы по нему,
Лысина сияет в небеса,
Хуvaraки* смотрят на ламу,
Не страшась Сансары колеса.

И России жертвенная лень
Торжествует в образе ламы...
Снегири садятся на сирень
После наступления зимы.

---

* Послушники дацана, студенты-семинаристы.

ХАБАРОВСК-МОСКВА. 14 ФЕВРАЛЯ 2007

В плацкарте проводницы расцвели,
Румяные – со швабрами парят...
Им до весны, повдоль седой земли,
Ещё четыре рейса, говорят.

А в тамбуре – морозная пыльца,
Свистит метель в разбитое стекло.
На полустанке тявкает с крыльца
Лохматый пёс, устало и не зло.

И лес уже не помнит о себе,
Урал снегами заперт, затворён.
В буранной люльке, в призрачной трубе,
В безвременье качается вагон.

Внутри тепло. И простыни чисты.
И чай горяч. И запах уголька...
И кажется, что только три версты
Отъехал ты от юности пока.

Но – ни фига! Разноголосый люд
Сам по себе – свидетель катастроф:
Китайский щёлк, таджикский перехлюзд
И русский мат летят поверх голов.

Солдат-контрактник брешет о Чечне,
Девушка ему хочет погадать,
Бугай храпит в измятой простыне,
Армянский сосунок мытарит мать.

На полке по четыре, как скворцы,
Китайцы снова жрут свою лапшу.
Шныряют коробейники-купцы.
Немые рады каждому грошу –

Суют под нос иконки, мусор книг.
Старуха с Сахалина прёт икры
Четыре пуда, кижуча балык
И фляжку героя – для сестры.

Палёной водки дух из-под полы
Сочится тихо в глотки северян.
И стужа лижет тамбура углы.
И мгла течёт из незакрытых ран.

Туда-обратно съездил – и уже
Полмесяца смахнуло языком.
Туда-обратно – пахарь по меже.
Туда – Москва, обратно – в горле ком...

И кулаком проталину в окне
Ты судорожным жестом продави:
Ревком в огне, Георгий на коне,
И век уже без мира и любви.

Коловорот, Микула, Николай!
Круговорот и польмя пути!
Из края в край, на Ирий или рай
Пускай ложатся рельсы впереди...

Грошика, медного грошика
Недоставало душе.
Прожито, всё уже прожито,
В опорожнённом ковше –
Только слезинка заветная,
Долгой любви исток.
Где ж моя денежка медная?
Что ли опять на восток
Катит сиротской дорогою
В сторону щедрой зимы –

Меж алтарём и треногою,
Мимо сумы и тюрьмы.

Колодезного холода бадья
Покой переплеснёт через края

Так, что утихнет ветер в голове
И не растает иней на траве.

Тропа моя окажется пуста.
Душа моя покажется чиста.

И красные осенние кусты
Осыплют на ладонь свои листы.

Как сладостно струится жизнь моя
На грани сна и полузабытья...

Как тихо исчезает жизнь моя,
как птичий след по краюшку жнивья.

СИНИЧЬЯ СМЕРТЬ

От ветродуя, стужи, голодухи
Синица залетела на чердак,
Где по щелям в анабиозе мухи
И кавардак.

Проверила опилки и стропила,
По балкам пробежала, по жерди,
Где всякий хлам висит, и позабыла
Бояться... И запуталась в сети
Рыбацкой...

Это странное заделье –
Из ячеи капронной выбирать
Не плавники, а коготки и перья,
Синичий пух по воздуху пускать,
Подобный пеплу...

Думать о прощанье,
О море том, что всё ещё горит,
О женщине, о давнем обещанье –
Оно мне вновь о счастье говорит.

Мне остался один только шанс...
Или меньше.
Ничего не снесу торгашам,
Переменчив

Мир чудес. Но последний патрон –
За подкладкой.
В этот раз меня встретит Харон
Шоколадкой.

Я монетку ему покажу:
– Вот монетка...
И стихи на песке напишу
Просто веткой.

А за речкой такие луга –
Божий посвист.
Ты приедешь другая слегка,
Может, после...

ИЗ ГАЛИЧА

ПЕСНЯ

Облака плывут,
        облака,
Огибают бор
        Каракан,
Как дорога их
        широка!
Облака плывут,
        облака.

Облака плывут
        синевою,
Позабыв о тьме
        грозовой,
Над моей землёй
        заревой,
Над моей хмельной
        головой.

Ловит спелый ветер
        рука,
И качают даль
        берега,
И от света слепнет
        река –
Облака плывут,
        облака.

Облака плывут,
        облака
Из далёка,
        из далека,
Доля их святая –
        легка!
Облака плывут,
        облака.

Виктории Измайловой

Из подъезда – морозный пар.
Хабанеру
Исполняет сосед Захар
Под фанеру.

Он сегодня дразнил гусей
И ментовку –
Объявлял по России всей
Голодовку.

Но народ голодать устал,
Хочет мяса,
В Думу – беса, на пьедестал –
Карабаса.

Ох, казацкая гольтьба –
Любо, любо!
Эх, свобода, гульба, пальба –
Куба, Куба!

Тега-тега, пролётный гусь!
Коба, Коба!
Я вернусь на святую Русь
В лодке гроба.

Я пройду по тропе войны
До маразма,

Я узнаю, что вместе мы –
Протоплазма.

Полечи меня, отлучи
От заботы...
С неба падают кирпичи,
Самолёты,

Шатлы, станции, города
Райских бредней.
Я любил тебя не всегда!
В миг последний,

На морозе, на срезе дня,
Возле бара,
Умоляю – прости меня
И Захара...

А. Грицману

Андре, Андрюха, Андреас, Андрон,
Не счесть в Нью-Джерси пуганых ворон,
Облюбовали «Боинги» Манхэттен,

Летят, летят, на призрак «близнецов»...
Пора и нам с тобой, в конце концов,
Освободиться, что ли, от запретов?!

Налево – жёлтый дом, направо – ЦУМ.
Пускай ведет тебя свободный ум
На иглокожий, серый лёд Байкала.

Ступай, не бойся, право – хорошо!
Он крошится, звенит, давай ужю,
Чтоб тело пело, а душа – алкала.

И никакой «Аль-Каиды», пока
Свистит щеглом сибирская строка
Над прахом пленных фрицев-самураев;

И в Арктику уходит Синий Бык*,
Как в наркоту взгрустнувший боевик...
И я друзей в корзины собираю.

---

* Дух Байкала, исполин, титан.

Светлане Кековой

Ёксель-моксель или гоголь-моголь,
Три матрёшки глупых и топчан!
Горя мало, неба – много-много,
И не дозовусь односельчан.

Там, где утром мама мыла раму,
Льдинками рассыпан алфавит.
А Дзеды давно не имут сраму,
Спят себе во гробе возле храма
У седых развесистых раки.

Этак сяду ночью на крылечке,
Запыляет гроздью Орион.
Всё от Бога, братцы, всё от печки!
И везде, повсюду перезвон.

Оживают нежные созвучья,
Плачьте хором чукча и хасид,
Где лучей серебряные сучья
Древо мироздания трусит.

И язык, как чудище морское,
Восплывает под небесный кров,
Наполняя счастьем и тоскою
Вечное сияние миров.

Елене Игнатовой

Пахнет лагуной «Lacoste»,
Зеленью Нила...
Ты бы в музей Холокоста –
Повременила.

Пусть на хохлах отоспится
Узник нацизма.
Солнце жирует, как пицца
Католицизма.

В храмах поры византийской –
Тлен и прохлада.
И Гефсимании близкой –
Заговор сада.

Спит на горе Елеонской
Камень завета.
Катит пустыней сионской
Знойная Лета.

Возле шлагбаума агнец
Ждёт террориста,
Скажет: «Свяжи его, Ангел.
Выйди, Мефисто!»...

ДВА ЧЁРНЫХ ВОРОНА

НА ВОССОЕДИНЕНИЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

Порубали воры витязя,
Руки-ноги отсекли.
Сон ему на горе выдался
Про принцессу Айлюли.
Возле камня перепутного
Не проснулся богатырь.
Ни те подвига могучего,
Ни ухода в монастырь...

Ни загула тридевятого,
Ни полёта на Луну...
Вот он, призрак терминатора,
Расчленяющий страну!
Конь с оскаленною мордою
Над тобой призывно ржёт.
Птаха божья воду мёртвую
Тихо в клювике несёт.

Далеко ещё до вечера,
Подымайся, командир!
Чёрный ворон, птица вещая,
Собирает русский мир.
Ворон облика монашьяго
Кости живицей кропит.
Вопреки прогноза вражьего –
Будь здоров, а не убит!

Для чего опять едиными
Стали тело и душа?
Что князья с простолюдинами
Не нашли на дне ковша?
Видно, наша правда-истина
В том, что скоро воевать...
Ты, Европа, не воинственна,
Дай тебя поцеловать!

*17 июля 2007
Новосибирск*

ЛУКОВКИ

...купола на Руси крыли золотом,
чтобы чаще Господь замечал.

В. Высоцкий

Купола церковок у царя Салтана,
Окропляя их святой водой,
Нынче покрывают окисью титана –
Яркой чешуёю золотой.

Раньше в Лукоморье, на краю России,
Луковки, нарядные зело,
Крыли лемешками из седой осины,
Чтобы отливали в серебро.

Плавали над волей злато-хлебородной,
Словно в белой зерни, купола.
Деревянно-звонной, дивно многоводной
Вера православная была.

Но не иссякаем свет небесной влаги
Даже в помрачении тюрьмы,
Даже в обезглавном городе-бараке,
В оцепленье холода и тьмы.

Даже в преисподней пепельной и мгlistой,
Пропasti народа и казны,
Там, где главный идол у стены кремlistой
Созерцает ядерные сны.

Нет, не иссякаем облачно текущий
Силы животворной Иордан,
Тот, что нам навеки вещью и сущей
Верою доверенною дан.

Теплится сиянье сквозь ракиты росной,
Гроыхает ризами гроза...
А металл державный и ракетноносный
Сторожит всё те же небеса.

IV

Чёрные птицы над Обью.
Трубы дымят.
Образу или подобью
Равен закат.

Зимнего неба прозрачный
Синь-фиолет.
Арочный и многозначный
Мост-силуэт.

Город у края ночного
В редких огнях –
Сна потаённое слово,
Мрака родня,

Крупно и резко очерчен,
Чёрен и строг...
Никнет заката свеченье,
Тёмен восток.

Словно владыка пейзажей
Вызнал момент –
Углем и тушью, и сажей –
Рокуэлл Кент.

СТРЕМENNАЯ

А. Кобенкову

Между мелосом и лотосом,
Между образом и логосом –
Не забудь на посошок.

Путешествию порадуйся,
Но ни Прагой, ни Каракасом
Не насытишься, дружок.

За Москвой метель, как водится,
Переменчивая вольница,
Поле чистого листа –

Перламутровая мельница...
Ничего-то не изменится,
Только грусти густота.

За ворота вряд ли выйду я,
Не скажу: «Тебе завидую».
Не за морем остаюсь.

А плевелы недовыбраны,
А листы из книги вырваны,
А на них – иная грусть...

По Телецкому озеру
рябь, рябь.
А по гребням и скалам –
туман, туман.
Проступает из воздуха
дождь-хлябь,
Да курится за мысом
гора Шаман.

Где стеклом вулканическим
гладь вод,
Чёрным-чёрного зеркала
глубина,
Словно лоб запечатал мне
хлад-лёд,
А душа и не знает
о дне дна...

Переплыть, переплавиться
след в след
За алтайской наядою –
ждать, жить! –
В ту страну, где не ведома
власть лет,
И в двойном одиночестве
знать-быть...

Этот дождь продолжается дольше, чем помнит душа, –
Это шлёп миллиона икринок по мокрому камню,
Шевеление влажного хаоса снится века мне,
А теперь замирает на кончике карандаша.

Этот дождь, пеленающий город, уходит туда,
Где лохматые горы укрыты белёсой дымкой,
И стоит Бобьрган у реки одиноким владыкой,
И шумит на порогах Катуня живая вода.

Вот и я ухожу, ухожу, ухожу за дождём –
В ручейках и потоках, в слияниях и раствореньях,
Средь ложбинок и впадин, в излучинах и повтореньях
До заветного русла влекусь непорожным путём.

Где чешуйки, соринки, хвоинки и те лепестки,
Что становятся илом и лепетом золотиносным,
Под диктовку дождя нам за этою жизнью не поздно
Доструить, докатиться до лона великой реки.

Мы с тобою едины, мы – капли, мы – с неба вода,
Мы целуем солёные угли и сполохи пепла,
Чтобы кровь от любви и желанья пылала и слепла,
И цвела! – круг души замыкая уже навсегда.

Мягкие, вялые, тёплые губы,
Как у Неёловой в юном кино...
Что, безлошадному, мне до Гекубы?
Что я Гекубе? Вот то и оно.

Дырка от бублика пахнет морозом.
Солнце калашное слепит в упор.
Небо снега залило купоросом,
И с оптимизмом уже перебор.

Ласково катит автобус, автобус.
Лапкою, лапкою машет сосна.
Ногу свело до подмышек, а то бы
Крикнул: «Айда на моя сторона!».

В vareжке смех утаился пуховый,
Не оглянулась и села в такси.
Я ли дурак? Или мир бестолковый?
В Yandexe у Интернета спроси...

Чурай, душа, червовой страсти миг,
Беги, беги, покуда не устанешь,
Пока не сладишь серыми устами
Запечатлеть новорождённый крик
Свободы, совершившийся меж нами.

Ты тщетно прикрывала устье рек
Ладонями,

отгалкивала пламя...

Но пал барьер стыда между полами,
И языки лизали влажный снег,
И лишь стихия правила телами.

Тот звук древней, чем память о тебе,
Так пел варган под сводами пещеры
Ещё до нашей и не нашей эры.
А я любил и плакал о судьбе,
Что оказалась щедрою
без меры.

Поздно, братец мой, мне быть альфонсом,
Скоро душу в ночь соборовать...
Разве мало под луной и солнцем
Места и любить, и горевать?

Нежности корыстной не приемлю,
Ни жене, ни власти не должал.
Перед небом этим в ту же землю
Я уйду... А кто бы возражал?

Здесь, клонясь во брани невозможной,
Ранен я, но не сошёл с коня.
Громыхай, карета жизни пошлой,
Мимо недобитого меня.

Есть ещё у Господа приюты.
И стихи у ангела в горсти.
Есть ещё остатние минуты
Мне по-русски их перевести...

МЕСТОИМЕНИЕ

Летуча тень плывущего листа.

На дне ручья, как в солнечном загоне,
Рябые зайцы скачут... или кони...
Однако всё же зайцы. Неспроста
Они – то врассыпную, то затихнут,
Лишь тельца золотистые дрожат.
Под ними мхи и камешки лежат,
То затаятся в сумраке, то вспыхнут...
Как лёд ветвей, чуть слышно и светло
Позванивает быстрая водица.
И вторит звуку сытая синица,
Расчёсывая клювиком крыло.

А лист плывёт, а тень его скользит
По дну, по дну, как лёгкое затмение.
Лишь гордое собой местоименье –
Тоской сквозит.

Я думаю об инобытии,
Где солнечные ангелы толпятся,
Где нам с тобою суждено расстаться,
Где Дух Святой течёт, а не ручьи.

Вот так – листом берёзы на волне –
И я мелькну над радостным покоем...
Хотя бы тенью, – сбудется ль такое?
Душа моя, напомни обо мне!

Утробное ничтожество моё...
В полудремоте ничего не надо,
От забытья тропа в небытие,
Где снов лукавых светоконнада.

Ни простонать,
Ни камень отвалить,
Ни песню спеть –
Такая лень и скука.
И на загадку «быть или не быть»
Кивает церковь и молчит наука.

Как паутина, дробные миры
Запутывают выходы и входы.
Таи, душа, живительные соты,
Окукливай молчанье до поры.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБ ЭДВАРДЕ МУНКЕ

Где-то щенок рыдает,
Плачет до хрипоты,
Воем переживает
Запах чужой беды.

Мне ли тебя не слышать,
Сердцем не обмереть?
Злее, надрывней, ближе,
Горше ещё на треть...

Так ли (когда любилось)
В судороге слепой
Слёзное тело билось
Тенью перед судьбой?

Скулы, колени, локти
В глубь материнской тьмы
Спрятать бы! Мы оглохли
В лапах земной тюрьмы...

Это такая мука –
Пестовать пустоту.
Это варяга Мунка
Обморок на мосту.

За дощатой, просящей пощады,
За подпёртой с обеих сторон
Древоколем, за старой оградой
Мы сидим на крыльце впятером.

У соседа скулит кобелишко,
На решётке шипит барбекю,
И на пару Саврасов и Шишкин
Опрокинули по коньяку –

За ворон на изломах забора,
За репейно-овечьё руно
И за охру закатного бора
С тучей розовой, будто вино.

С ними вровень дорогу осилив
И нашарив гармошку в сених,
Запевают Рубцов и Васильев
О гнедых и соловых конях.

Зернью росною клонятся травы,
Вдоль отечества стелется дым,
Поднимаются от переправы
Вечер вместе с туманом густым.

И какая-то тля золотая
Пьёт по капельке душу мою,
Чтобы, вместе с друзьями рыдая,
Замерла она вновь на краю...

Кошки серы. Музы глухи.
Сумасшедшие старухи обирают лопухи.
У пивнухи «Бабы слёзы»
Рыжекудрые стрекозы кормят бомжика с руки.

Девка с фейсом Умы Турман
Стеклотарою по урнам пробавляется слегка.
А сирены воют, воют,
Крутят синей головою, мчатся к чёрту на рога.

Всё обычно. Всё как надо.
Мимо Кировского сада ты без нүжды не ходи.
Это вечная морока,
Бога ради, ради Бога – не осужден, не суди.

Будет вечер, будет утро.
И разводы перламутра, и заутрени трезвон...
Бьёт крылами вещей город. Подними повыше ворот.
Новый день – как новый сон.

В подвале забытом бухали с Бахытом –
И антисемитом, и космополитом,
И метр на метр, и литр на литр,
Шелом на шелом и попитр на попитр..

Не пропили родину, начали только,
Не прокляли Бога, не предали долга,
А долго и дымно, темно и ничтожно
Внимали тому, что понять невозможно.

.....
.....

Пылала «Массандры» дельфийская влага,
Трещало соцветье российского флага,
Кричала Кассандра у стойки пустынной
Про бездну разверстую над Палестиной.

НА ДЕБАРКАДЕРЕ

По дебаркадеру окурок катится,
И зной полуденный, и ветерок,
Ты канарейкою в лимонном платъице
Сидишь, любишь на катерок.

На белом катере от дебаркадера –
Оно, пожалуй бы, куда с добром.
Да, да, сударья! Но надо к матери –
В усадьбу летнюю, через паром.

У дебаркадера на дутой камере
Шпана купается – наперекрик.
Ты погостишь денёк, тепло пока ещё,
И в город каменный – на материк.

Из джипа старого поёт Макарова,
Там Пивоварова – à la шансон,
А баба шалая с причала ржавого
Торгует рыбою второй сезон.

Постой, порадуйся и с дебаркадера
Окликни солнышко, пока-пока,
Пускай в луче его перекликаются
Ладони, локоны и облака.

V

Версия для печати: «лепо ли нам начати»...
Липовая нога
Вместе с культёю ноет. Время, как паранойя,
Даже из утюга –
Включишь – одно долдонит: то, что в воде не тонет,
То, что и прах, и смрад,
Стало, в цветной обёртке, в рюшечках и в оборке,
Славой на новый лад.

Экая простокваша! Скисла Россия наша.
Будем варить творог,
Кремль ругать заглазно и избирать согласно
Тролля на новый срок.

Чур меня, Че Гевара! Щирого кочегара
Видел бы я в гробу.
Мир, Черномор горбатый, снова под аты-баты
Лихо летит в трубу.

*29 июня 2005
Новосибирск*

Сидел известный генерал,
Напротив – адъютант.
В закате плавилась река,
Мошка всю вила, вила,
Они играли в дурака,
Послав подальше власть.
Брезента полог над столом
От ветра трепетал,
Не надо думать ни о чём...

Но Майк его достал.

Он подданный! Он дипломат!
Он VIP-персона, йес!
Дремал до срока русский мат.
Молчал сибирский лес.
Лениво и, не тратя слов,
Промолвил генерал:
– Кто угрожает? Казаков?
Так он же федерал!

Дрожал под пологом в петле
«Летучей мыши» свет.
– Его начальники в Кремле,
А телефона нет...

Куда бежать? Кругом тайга
Да шуточки пьяных морд,
Потенциального врага
Корыстливый расчет.

Лишь вертолёт, как медный таз,
Блестел середь ночи.
И Майк залез в него как раз.
– Мочи его, мочи!
Из камышей кричала выпь,
Как по лбу обухом.
И отзывались даль и глыбы
Сочувственным стихом.
.....
.....
Когда попойка улеглась
И выпь заткнула рот,
Пилот пошёл проверить связь
В казённый вертолёт.
Ушёл... И вот бежит гонец:
– Кино и немцы, босс,
Ваш Майк решил, всему конец
И в самый хвост уполз.

Под сенью трепетных светил
Связной во тьме ночной
Тихонько двери откатил –
Сияли новизной
Ботинки из United States
На входе в вертолёт...

Шумел сурово русский лес.
И ликовал народ.

*28 октября 2002
Новосибирск*

Золоторогим пельменем луна взошла над Ильгуменем
И осветила облака.
И, каждое на прежнем месте, головоногие созвездья
Во тьме нашарила рука.

И по отдельности, и скопом мрак недоверчивым
Циклопом
Пересчитал своих овец.
В пещере ночи стало тихо. И лишь вздохнула
мамонтиха,
Бредя луне наперерез.

Кабы я читал «Майн кампф»,
Был бы я фашистом,
Кабы в Думе заседал,
Был бы москвичом,
Кабы жёг Афганистан –
Стал бы анашистом,
Кабы женщину любил –
Пел бы ни о чём.

Громко лает за бугром
Блудная собака,
Любо-любо, братцы, жить,
Если Бога нет!
Я пропью систему «Град»
Возле Карабаха.
Я оставлю про запас
Честный пистолет...

*3 февраля 2006
Новосибирск*

Ларисе Щиголь

Тыкву потяну за оселедец:
– Славься незалежный огород!..
Будет, будет лету окорот,
Но и снег – не вечнопоселенец.

Стройся, гренадёрская морковь,
По гуртам, картоха, собирайся,
Урожая радостная раса
От вольнонаёмных до царьков,
Все стручки, все клубни, кочаны,
Головы, тела, плоды и грозди –
Ать, два, три – по рангу и по росту
Для оборонительной войны!

А когда проклюнется весна,
Или не весна, а что-то вроде,
Я пойму на том же огороде,
Что бессмертна рідна сторона.

*19 октября 2004
Новосибирск*

МЧС-КАГАН

Шойгу – айда в тайгу!..
Поговорка

Нам не нужны Мальдивы и Ямайка,
Не суждены нам счастье и покой –
Как хороша в России чрезвычайка,
Во всей земле не сыщете такой!

Уж коли где чего-нито случилось,
Сограждане, не бойтесь умирать,
На небеса, где правит Божья милость,
Проводит вас спасательная рать.

Её глава на страже и на стрёме
При всех режимах доблестно служил,
Красив, богат, могуществен и кроме
Всего того – кремлёвский старожил.

Всего достиг уменьем и стараньем,
Как завещал отец его – сойот,
Его встречают бубном и камланьем,
А без него и солнце не встаёт.

Не знал коня, не ведал малахая,
Но, сын Тувы, велик среди людей,
Шойгу-каган, из рода урянхая,
Непобедим, как темник Субэдэй.

НА РОДИНЕ АКСАКОВА

Шибко Муртаза любил Уфу
И Уфа любила Муртазу.
Головы клонились на софу,
Губы трепетали на весу...

Муртаза учился в медресе,
Бедной сиротой Уфа была,
Мельничной водицей в колесе
МИМО нефть российская текла...

Не для них шумел Курбан-Байрам,
Цвёл цветочек Аленькой не им,
Завещал не им небесный храм
Сильно древний город Аркаим.

Муртаза сказал: «Мечеть пуста,
А в кармане только мгла и снег».
И Уфу, желая жить до ста,
В жёны взял, как честный человек.

Повернул немного колесо,
Нефть уже не мимо потекла,
И омыл сокровищем лицо,
И жена, как роза, расцвела.

«Иншалла! – сказал, – пускай растёт
Аленькой цветочек на окне,
И Курбан-Байрам ко мне идёт,
И небесный храм цветёт во мне».

Шибко Муртаза любил Уфу
И Уфа любила Муртазу.
Головы клонились на софу,
Губы трепетали на весу...

На одном из ледников Алтая обнаружена мумифицированная нижняя конечность человекоподобного существа, полностью покрытая густой рыжеватой шерстью...

По сообщениям телеграфных агентств, осень 2003

Не учи, родная, йогу,
Сидя на диете!
Ампутировали ногу
Молодому йети.

И пока ты дышишь носом,
Открывая чакры,
Одноного под откосом
Бедный йети чахнет.

Никакой на свете лотос,
Дхарма никакая
Не ответят на вопросы:
Где в горах Алтая

Бродит йети одиноко?
С костылём поди-кось?
Верно, плачет, ищет ногу?
Мол, какая дикость...

Пусть она худа и густо
Шерстью крыта рыжей!..

Жизнь – она ценней искусства
И к природе ближе.

НОВЫЙ СПОСОБ КОПКИ КАРТОШКИ

Без участия алкоголя
Оставляю дом ваш пуст.
Два шиша засунул Коля
Под картофельный под куст.

Раздразнил чертей матёрых,
Распугал мышей-кратов,
И из недр некоторых
Клубни вынуть был готов.

Он нашарил, как в штанине,
Под землёю два ядра,
На российской на равнине
Их явив – гип-гип, ура!

ПЕСЕНКА О МИРЕ

Вьются, вьются голуби.
Хрен с тобой, Америка!
А я бы плавал по Оби
От берега до берега.
плавал бы себе и плавал

Пел бы: Боже, пособи,
У меня истерика,
И дай поплавать по Оби
От берега до берега.
ну, что тебе стоит, в сущности

Кто-то крутит «Let it be»
От Куры до Терека,
А мне бы плавать по Оби
От берега до берега.
и ничегошеньки уже больше не делать

А ты люби меня, люби
Аж до среды-четверика
И дай поплавать по Оби
От берега до берега.
и я тебя тоже буду любить, и за это, и просто так

Ещё до срока не губи,
Ты погоди, поверю-ка!
Чего ж я плавал по Оби
От берега до берега?..

ПИМЫ

От корчи, порчи и чумы
Спасут меня мои пимы,
От жара-лихоманки,
От сора-перебранки,
От злой простуды и тоски,
От пьянки, рвущей на куски,
От полуправды вечной
И от жены сердечной,
От жажды славы и креста,
От страха чистого листа,
От близости ревнивой,
От низости ленивой.

Но не спасут мои пимы
Ни от сумы, ни от тюрьмы,
Ни от любви-печали,
Ни от слезы в начале
Тягучей медленной строки,
Из дребезги и шелухи
Явившейся на волю,
Согреть мою недолю...
Я погружусь в мои пимы
Ещё до будущей зимы:
И неги, и отрада,
И думу думать надо.

*14 сентября 2005
Новосибирск*

РАЗМЫШЛЕНИЕ ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ С БРЕВНА

Чтой-то часто я стал падать в воду...
К худу ли, к добру?
Вот и копчик ноет на погоду.
Может, не помру.

Что ли киселя из авокадо
К вечеру сварить?
Вот обсохну – что-то делать надо,
Может, закурить?

Выпить, может? Или же не стоит?
Лучше подожду.
Выпить – это самое простое,
Это – по-пу-сту...

Что же? Как же? Господи, помилуй,
Отчего тоска?
Дом без крыши, лодка без кормила,
Луг без пастуха.

А носок дырявый – на заборе,
А в душе – мандраж.
Рак опять свистит на косогоре
Очень старый марш.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ОТКРЫТКА

Ах, Грицман, мериканский человек,
Почто ты мне не пишешь длинных писем?
Стиль «милитари» или же кубизъм,
В конце концов, предновогодний снег...

Или во славу Божью – полонез,
Исполненный каким-нито евреем,
Роднят нас. Мы стремительно стареем,
Но к жизни не теряем интерес.

Вот, скажем, Буш! Он муж или не муж?
Он на коне, чего и вам желаю...
Я тоже победительно камлаю,
Но скорый крах предчувствую к тому ж.

А ты вотще стремишься убежать,
Сховаться среди гризли и маралов,
Увы, везде хватает генералов,
Но не заставишь – мыслить и рожать!

Я тоже утикаю в Казахстан,
Покушать бешбармака и конины...
Уж коли мы поэзией гонимы –
Поверим души милям и верстам.

Вослед метели в русской стороне,
Я шлю тебе не мессэдж, а Е-мелю!

Пиши, заатлантический земля,
Люби девиц и помни о родне!

*18 декабря 2004
Новосибирск*

СКАЗКА

Инда плакал царь Дадон...
Пушкин

После лёгкой эвтаназии
С применением топора,
Я очнулся в сердце Азии
Под трёхкратное «ура!».

Предо мною степь широкая,
Неба синего шатёр,
И девица волоокая,
И сердитый Черномор.

Вот войска мои победные –
Ощетинились вовсю,
И я конницей заветною
Бью по вражьему ферзю!

И пленяю хана ханского
Вместе с целою семьёй
У предела Шамаханского
Огромной фузеёй.

Что ж ты, девица-красавица,
Не танцуешь, не поёшь?
На тебя полмира зарится,
А ты горьки слёзы льёшь.

Агамемноны с Парисами –
Как на шахматной доске!
А, за дамскими капризами,
Мир висит на волоске.

Верьте мне или не верьте ли,
Доведёте до греха,
Ох, пожарю я на вертеле
Золотого петуха.

Предсказателя-гадателя
Вышлю прямо на Луну,
Потому – люблю Создателя
И родимую страну.

*1 февраля 2006
Новосибирск*

А. Радашкевичу

Слог возвышенный исправя
На верлибромадригал,
Кто писать о русской славе
За основу полагал?

Не Херасков, не Державин,
Не Хемницер, не Капнист...
Кто он – радостью заглавен,
Ликом свеж, душою чист?

Кто легко и просветлённо
Муз ведёт в сиянье зал?
Кто – как бы во время оно –
Лиру с трубами венчал?

Кто богемскою бокалой
Тешит слух, пленяет глаз?..

Клио баловень лукавый
И Эвтерпы ловелас!

*11 августа 2004
Новосибирск*

СТРАШИЛКА

...из цирка «Шапито» во время пред-
ставления на берегу Азовского моря
сбежал нильский крокодил.

По сообщениям информагентств

Вот вам – ни автографа, ни росчерка,
Лишь песок – и начинай с азов:
Крокодил от Васи-дрессировщика
Улизнул бессовестно в Азов.

Как увидел рядом море синее
И нудистский с девушками пляж,
Сразу захотелось в Абиссинию,
Ностальгия, знаете ли, блажь.

Потому поплыл, поплыл от берега,
Как торпеда на железный зов.
Этакая вышла эзотерика,
Ящер оккупировал Азов.

Оставайся лето кавалерное,
Влагою мне взора не тумань!
Мимо – белый парус,
Мимо – Лермонтов
И патриархальная Тамань.

Где ты, моя родина свободная,
Царский Нил и ложе тростника?
Где ты, Нефертити земноводная,
На припёке возле родника?

Уплывает милое чудовище
Между катеров сторожевых.
Ускользает древнее сокровище,
Заклиная мёртвых и живых.

Над геомагнитно-тектонической
Трещиной жизни и судьбы,
До сурово апокалиптической
И трезвящей ангельской трубы...

Всё – в зубастой, до неба распахнутой
Пасти, вплоть до солнца и луны...

.....
Вася, Вася – чудик прибабахнутый,
Разве в этом нет твоей вины?..

*23 июня 2007
Тамань–Новосибирск*

Лидии Григорьевой

Из Лондона, как из подводной лодки,
Уж никуда не денется она –
Простая уроженица Чукотки
И первого татарина жена.

Но ежели ветра Хамар-Дабана
До Темзы донесут зимы перо,
Она забудет зовы автобана
И прелести британского метро.

Ни блеск Европы, ни обманка славы,
Ни дом в районе старого Сохо,
Ни вяз густой, ни клён золотоглавый,
Ни звон бокалов от мадам Клико,

Ни даже муж, который где-то рядом,
Не сохранят средь роз или зеркал,
Душа, вослед за негой и талантом,
Весенней птицей тянет на Байкал.

Пари, пари! Покуда серебрится
Апрельский лёд у створа Ангары...
Пора, пора нам заново родиться
В пирах морозно-ветреной поры!

Где дружий раж и логово поэтов,
Где всё ещё о родине поют,

Равилю Бухараеву

– Караванщик, караванщик,
Где твой дом родной?

Караванщик, караванщик,
Где предел земной?

Где, печальный караванщик,
Лилия-Зейнаб?

Кто я, хмурый караванщик,
Воин или раб?

Скоро ль ветры, караванщик,
Мой оплачут прах?

Есть ли вера, караванщик,
Сколь велик Аллах?..

– За последним переходом
Дом наш, верный брат.

За Божественным Восходом –
Небо, верный брат.

Красотою мир наполнен,
Сердцем знаешь, брат.

А за низость или подвиг
Сам ответишь, брат.

Судный день лишь Богу ведом,
Обращайся, брат,

Стань вопросом и ответом –
Он воздаст стократ.

*4 октября 2004
Новосибирск*

РЕТРО-ПЕСЕНКА

В катафалке лаковом
Кукольный театр
Едет, едет на гору,
На гору Монмартр.

Всё забыто, забыто,
Всё сошло на нет,
Катафалка за бортом –
Глупый белый свет.

А в гробу – художники
И поэтов рать,
Музыки заложники
Едут умирать.

Пьёт Пьеро на жёрдочке,
Пляшет Арлекин,
И поёт мажорное
Выводок Мальвин:

«Будем славить естество,
Молодость и прыть,
А искусство-мастерство
Станем хоронить!

Эту бесполезную,
Пагубную страсть
От богов, из бездны ли
Выдалось украсть.

Нам не нужно творчества,
Нам довольно тьмы,
Имени и отчества
Не имеем мы»...

Льётся, льётся песенка,
Клоуны поют,
Катится процессия,
И литавры бьют.

Только вера верная
Им даёт отпор –
Сердце сокровенное,
Церковь Сакре-Кёр.

*15 августа 2005
Новосибирск*

А. Кобенкову

Увядают листья пеларгонии,
Клонит ветром мыслящий камыш...
От Иркутска ближе до Японии,
Ты ж опять наладился в Париж.

Неужели гейши-колокольчики,
Спутницы Мисимы и Басё,
Для тебя, заблудшего, нисколечки,
Толя, не пленительны – и всё!

Ты же знаешь, как обворожительна
Сакуры походка над ручьём,
Как воздушна и непродолжительна
О любви, да-да, мечта её?!

Улетай, скитайся в мире проклятом,
Только помни, тюрк или грек:
Ласковым и светлым иероглифом
За тобою ляжет первый снег...

Раисе Ерназаровой

Ещё задолго до Дельфийского оракула,
Во дни Шумера и Амона-Ра
Мой дух летал на плато Никарагуа,
Вздываясь от алтайского костра.

Я был с друидами на круге Стоунхенджа,
Я гимны пел, я славил звёздный свод.
И в Аркаиме – страждущий невежда –
Я Зороастра слушал у ворот.

Века крушили троны и преданья,
Песнь становилась ветром и ручьём,
Мысль облекалась в морок мироздания,
Затягивая знания былъём.

Но над руиной жаворонок ожил:
Гэсер! Гэсер! – трезвонило с небес.
Сказал монах во тьме: «Помилуй, Боже».
Град пробудился, а гуслиар – воскрес.

Вы, зрячие, не ведавшие чуда,
Сквозь вас течёт сияющая нить,
Чтоб оседлавши жёлтого верблюда
Пророк ушёл и умереть,
и победить.

*27 октября 2007
Новосибирск*

ИЗ КИРШИ ДАНИЛОВА

ПЕСНЯ

Во сибирской украине,
На Алтайской стороне
Я люблю... а ты отныне
Будешь помнить обо мне.

Никакого приворота,
Никаких таких чудес,
И не слава,
И не мода,
Не пиковый интерес,

Не молва, хулы служанка,
Никака тоска-печаль,
Не богатства самобранка,
Не поэта фестиваль...

Нет, ни то, ни даже это
Для любви не указ.
Ширь и радость бела света
Ей как в самый первый раз.

Вновь своей не зная силы,
Я пускаюсь в дальний путь!
Из-за моря, из могилы
Ты меня вольна вернуть.

Окликаньями твоими
Полон въяве и во сне –

Во сибирской украине,
На Алтайской стороне.

Ю.К.

Мы с тобою служили и служим,
И служенью не будет конца,
Есть покуда межа и оружие,
Милость Сына и воля Отца,

Есть покуда весенние лужи,
Летний ливень и даль Покрова,
Здесь покуда любимые души
И покуда Россия жива.

*30 октября 2007
Новосибирск*

То ли гарпии, то ли сирены –
Переключкою стереозвука в мастерской у Данилы
Выпархивают под потолок
И опять исчезают в компьютерном лабиринте,
И мерцает пустой монитор,
И мерцают картины:
Натюрморты, пейзажи Абрашино,
Женские бедра и шеи
И цветы золотистые
на еще не просохшем холсте...

Этнорок

и камлание птичьё,
И свисты листвы изумленной
Окропленную кровью Орфея,
И каменный шорох Алтая,
И нефритовый ветер,
Поющий о древе желаний,
Отрясающий сакуры цвет
И роняющий плод смоковницы...

Это рок.

Это кроткая гибели поступь...
А воск из ушей вытекает.
И корабль, забытый ветрами,
не верит пространству,
Лишь пучины молчание
ощущая грудью бортов...

Дальше – больше.
Для женщины прошлого нет,
Бунин или Лонгфелло,
богоизбранный брат, ты не бойся,
ответ –
он не здесь,
здесь остатки мадеры и сонное тело,
что, возможно, поедет в Россию, в Саратов.
.....
Привет!

*27 апреля 2007
Новосибирск*

ПОЭМЫ

СОГЛЯДАТАЙ

I

Кто мраку отхлебнул, тот о себе
Узнал поболее иных непосвященных...

Не пей до дна...
А тени холодны.
А за тенями тени, снова тени.

Кто наблюдал рождение родника
в толкании, в биении сердечном,
тот помнит эту тайну тишины –
из тьмы сырой земли, из тла, из почвы –
ток жидкокристаллический. В нём дух
живой. В нём только истина и холод –
течёт, течёт... А ты – давным-давно –
лежишь на кочке дёрна мальчуганом,
вниз гловёнку свесил, всё глядишь
на дно, следишь былинки и песчинки,
что родничок тихонечко клубит,
ключ что-то говорит тебе... Ледышка
под ложечкою тает, и щемится
от страха сладко сердце.

Большой страх –
распахнутый колодец. Или погреб.
Иль пыльное мерцанье чердака.

Повсюду кто-то есть. Повсюду кто-то..
Повсюду – кто?..

Лишь взрослые дела
закрыли эту чакру ожиданья,
ты более уже не духовидец,
из света в тень забыл перетеканье,
забыл полёта дрожь и свист паденья..
Но не совсем.

II

В античной простоте
так много было детских откровений,
был мир прозрачен, перенаселён
соседними твореньями – дриады
и nereиды мирно хлопотали
в священных рощах,
мудрые кентавры
хранили эпос древних теогоний,
сатиры виноградную лозу
оберегали для дионисийских
веселий необузданных. Сулили
для смертных эти праздники свободу
от тесных уз телесных...

Но, увы,
ирония – безверия сестрица –
и эллинов сгубила. Голоса
природы отступили, замолчали,
лес и ручей, гора и луговина –
всё перестало быть одушевлённым,

пенаты отвернулись от своих
былых любимцев.

Но осталось место,
верней, страна – отдельная планета:
в горах от Иртыша и до Байкала
ещё живут герои древних саг.
И каждый камень там вочеловечен,
и дерево, и горная вершина,
над очагами молятся хозяйки
и тёсей* не пускают на порог.
Там всё точь-в-точь как было при Гомере,
там я встречался и с его потомком,
там за тобой всё время наблюдает
через своих посланцев Хан-Алтай.

III

В глуши дремучих гор, у Карагема,
чей вал грохочет, как сарлычье стадо,
чей вал быком ревет в теснине моста,
биваком стали мы у тополей
прибрежных. А над нами нерушимо,
как гребень звероящера зубчатый,
отрог хребта пролёт, в его подоле,
в семидесяти метрах от реки,
на высоте пологой возвышаясь,
как два щита, две каменные чаши,
торчали гордо груди богатырши,

---

* Духов (алт.).

что в гору погрузилась с головой,
а ноги ей река замыла щебнем,
по бёдрам же дорогу проложили,
и только два сосуда полновесных
нам старый миф оставил напоказ.

Те груди были местом поклоненья
и почитанья. Предки завещали,
что попусту нельзя здесь появляться,
кричать, шуметь и бражничать – ни-ни,
табу! Но наша цель была – рисунки,
петроглифы, творенья неолита:
быки, олени, тамги, человечки...
Татуировок каменный ковёр
покрыл два скальных выступа, неясно
кто и зачем оставил эти знаки?
О чём поведал? Почему алтайцы
Сосцы Хатун обходят стороной?

IV

Тиха была погода.

Серой ватой
клочкастых облаков перетянуло
небесной юрты купол. На вершинах
белёсой мглы курились очаги,
струя по складкам дымные косынки
туманов... и по ходу невозможно,
мне было, ковыляя по долине,
вот сей момент, навскидку угадать

где солнца диск болтается. Шумела
река, подобно шелесту сухому
осенней рощи под широким ветром.
Я возвращался в лагерь по тропе
или, точнее, по тропы подобью,
гигантские окатыши гранита
непроходимо заполняли пойму,
меж ними рос шиповник, можжевёл,
акации колючие сплетенья
щетинились у валунов подножий.
Я думал: «И какому же потоку
под силу было так вот обкатать
в овалы многотонные камня?»
Похоже, лишь Всемирному...

Гнев Божий
перепыхал планету. Как же, как же
пред этой мощью жалок человек!

V

С трудом я обогнул нагроможденья
Потопных жерновов и вновь увидел
и мост, и лагерь у хребта подножья,
дымок костра, палатки, склон горы,
где две скалы священные. Как странно
издалека следить за копошеньем
стоянки человеческой: немое
кино про лилипутов...

Из кустов
мне под ноги Кумай, наш сторож верный,

любимый пёс начальника, метнулся:
и хвост поджат, и уши на затылке,
скулит, зовёт кобель.

«Куда, куда
меня ты тянешь? Что такое, братец?
Где, что стряслось? По виду – всё спокойно.
Ну погоди, дай огляжусь»... Я вынул
измятый «Честерфилд» и, прикурив,
уселся на валун.

«Однако тихо.
Вон, погляди, Павлуша варит ужин,
а твой хозяин ползает букашкой
по выпуклым поверхностям, опять
рисунки инспектирует, снимает
на фото, в эстампажи переводит...
а кто с ним рядом? за спиной? похоже –
водитель, без бинокля не видать,
весь в сером? Ну, чего ты так извёлся?
Не чёрта же средь бела дня увидел?
Хотя местечко – Господи, помилуй,
споткнёшься и – ау, ищи-свищи!»

VI

– А с кем ты на скале работал нонче?
С Кумайкою мы долго наблюдали
за вами из-за речки...

Я прервался
на полуслове – рыжий черемис,
начальник, что провёл полжизни в поле,

вдруг замер, поперхнувшись и смурнея,
и долго на меня в недоуменье
смотрел: «Ни с кем, один».

Из-за плеча
этнограф Ира громко зашептала,
перекрывая шум реки: «Ты тоже,
ты тоже видел? Я с горы спускалась
вон там по склону, он за ним ходил
след в след, он был всё время за спиной,
весь серый, будто бы в комбинезоне,
как будто сторожил, следил, шпионил...
Ведь до меня лишь в лагере дошло,
что это здешний дух, хранитель места,
алтайцы говорили, что недавно
Амырка-тракторист сюда припёрся,
придумал спьяну парочку сколоть
рисунков, мол, продам американцам,
ну, в самом крайнем случае, полякам
(они ж не все на сплаве насмерть бьются,
которые доходят до конца
маршрута) – вот и будут сувениры
о скалах близ кошмарного Аргута,
где гиблый перевал Верблюжье Ухо*,
где Карагемский мост. Ну, в общем, он
едва успел примериться зубилом,
как тут же и на щебне поскользнулся,
упал, короче, выродок и ногу
вот сей момент, прямёхонько, сломал».

* Непроходимое для сплавщиков ущелье, участок реки Аргут.

VII

Давно – уже в ином тысячелетье
со мной всё это было, до дефолта
примерно за неделю и задолго
до новой лжи кромешной, до войны...

Уж нет ни Югославии, ни Башен,
умолк Шамиль, невесело Саддаму*,
и, может, только белые медведи
не знают об «Аль-Каиде» и о
глобальном потеплении... Но скоро
их, как и нас, проверят на лояльность,
ни мыса не останется, ни льдины
без бдительного ока CNN.

Дверь заперта, мы смотрим на творенье
сквозь щель замочной скважины, мы смотрим
сквозь объективы теле- или фото-
глазами соглядатаев чужих.
Тень репортёра, проданного в рабство
за лживый долг свободы и комфорта,
маячит за спиною непокорных –
он серый, он навеки пригвождён
к подобью ремесла, к лукавой страсти
пустого знания... Ни любви, ни смысла
не создаёт зависимое племя,
и – шумно на невольничьих торгах!

---

* Уже после написания этой вещи произошло событие, после которого строчка, видимо, должна завершаться словами «повесили Саддама».

И все молчат о подлинном владыке,
не выдают ни знака, ни намёка,
а кто и проболтается по пьяни,
Бжезинский или Гибсон – на того
найдут управу...

Павич, Солженицын,
Джон Фаулз, Маркес, Брэдбери, Мисима –
последние обломки Атлантиды –
пучиной почти погребены.

И у меня – не крылья за плечами –
два спутника за левым и за правым –
один свистит, другой поёт и плачет,
один толкает, а другой хранит.

И только купол неба и вершины
незыблемы пока и лучезарны,
и не подвластны воле и велению
вселенских наблюдателей. Пока.

Пока, мой друг,
нам до второго раза,
похоже, не дожить. Оно, быть может,
и к лучшему.

Финал у этой фильмы
не голливудским будет, видит Бог.

*декабрь 2006
Новосибирск*

ПСКОВСКИЙ ДЕСАНТ

И Леонид под Фермопилами,
Конечно, умер и за них.

Георгий Иванов

И

И во гневе Ахилл
разбросал по Кавказу доспехи,
И слезу изронил
хмурый Тмутараканьский болван,
И глумливые бесы
затихли в «Вестях» и на «Эхе»,
И очнулся от дрёмы
родство позабывший Иван.
Следом царь Леонид со товарищи –
триста спартанцев
Величанье и славу пропели
уснувшим бойцам.
О, кого мне молить,
и от горя куда мне податься,
Где главу преклонить,
что сказать матерям и отцам?!
А молить буду я Александра,
великого князя:
Приюти, Благоверный,
ты сродников на небесах,

180

Пусть им свете пресветлый сниидет,
сквозя и лияся,
Пусть их радость и тишь
убаюкают в райских лесах!

А пойду я, пойду,
сам покорный судьбе и России,
Через Дикую Степь,
к изголовью гремучих хребтов,
Где суровые отроки
в сердце врага поразили,
Где кровавая чаша не минула
праведных ртов.

Я главу преклоню
у Креста на граничном кургане,
Что на месте хазарского камня
воздвигнул Илья.
Мы на целой земле
как последней любви могикане,
А любовь не распять,
не оставить на пир воронья.

Только тлен, только прах,
только кости сынов убиенных,
Не ищите их душ – ни в гробу,
ни средь белого дня,
Только точка сцепленья цемента
во взоре военных,
Только зевы могил...
Ничего не скажу вам, родня!

181

Ничего не скажу –
                                вы оглохли, ослепли,
Вы очнётесь не скоро,
                                не завтра, уввы, через год,
Может быть, осознаете,
                                как высоко и целебно,
Словно створки икон,
                                синеву распахнул небосвод.

Но и даже тогда
                                не просите ответа!
Смерть – последний ответ.
                                Все вопросы уже позади.
На живой оконечности
                                присно цветущего лета
Человеческий Сын
                                утверждает рождение пути.

Всяк, готовый на жертву,
                                уже никогда не погибнет.
А стократная жертва –
                                то чудо на все времена.
Не в похабном угаре –
                                в легенде и пламенном гимне
Будет петь ваша слава
                                и жить, жить! всё та же страна.

II

Нам сказали духи: «Уходите!
Разойдёмся тихо, без огня.
В Турцию, а может, на Гаити
Все уедут через два-три дня».

И ещё сказали: «Дело худо,
Вы – одни, а против – легион.
Русский царь – не боров, он иуда
И безбожник. Вас не вспомнит он!».

Мы молчали сутки, огрызаясь,
И тянули время, как могли.
В высоту скалистую вонзаясь,
Грелись и патроны берегли.

В узком горле горного прохода
На пути из выжженной Чечни,
Словно кость, торчала наша рота,
Поперхнулись ротою они.

Дождик был в четверг, а в эту среду
Смерть змеёй скользнула по виску.
Нас никто не выдал и не предал,
Сами мы остались наверху.

Сами мы последними глазами
Озирали этот рыжий склон.
Воду и табак делили сами
И копали грунт со всех сторон.

Сами разложили по приямкам
Весь наш золотой боезапас.
И записки написали мамкам,
А девчонкам – временный отказ.

И приказы командиров наших
Сами исполняли до конца.
Ждали помощь, бывшую на марше,
Под дождём из камня и свинца.

Нас вертушки в небе сторожили,
Рассыпая магниевый свет...

.....
Мы бы, может быть, и дальше жили,
Но они в ночи ползли – как бред,

Как угар, как жрущие термиты,
Покрывая трупами траву
Прошлогодних пастбищ. Были биты,
Но ползли – во сне и наяву.

Я в бою о смерти и не думал,
Как-то было всё не до неё.
С порохом и запахом медунок
Я мешал дыхание своё.

Первые цветы на солнцепёке
Грелись среди щебня и стерни.
До чего ж казались мне убоги
Наши страхи, драки, наши дни,

Прожитые в гонке ненавистной,
По сравненью с небом и травой,
По сравненью с нежным коромыслом
Жизни и – любви ключевой.

.....
.....

Очередь, прыжок с переворотом,
И таюсь, как полоз меж камней.
На две трети сжалась наша рота.
Стала ночь раз в тысячу длинней.

Под конец огонь пошёл стеною,
В грохоте и сполохе сплошном
Над горой, над ротой, надо мною
В трепетном сиянье неземном

Я увидел ангельскую роту –
Как они хотели нам помочь!
Но такую адову работу
Совершали духи в эту ночь,

Что не все осколки и заряды
Обезвредил ангельский десант.
Тут я понял, что такое «надо»,
Понял я, что нет пути назад.

И когда дошло до рукопашной
В предрассветных сумерках сырых,

Над горами яростно и страшно
Разнеслось опять: «Аллах велик!».

Прозвучало... Но Аллах не слышал
Иль не принял гневные слова.
Пасть дракона – вот она, всё ближе,
Всё огромней злобы голова.

Трупами усыпанные склоны,
Тёмная матёрая резня,
Судороги, хрип, мольбы и стоны..
Зацветай кровавая стерня!

Навалилось туловище зверя
И смердит, и корчится от ран.
И кричит, оглохший как тетеря,
Наш, с пробитым лёгким, капитан.

Он кричит в эфир: «Прощай, Маруся!
Мы погибли, но и им – хана.
Скажете: навеки остаюся
Твой и только твой. Прощай, жена!».

Капитан кричит: «Товарищ Трошев!
Весь огонь на нашу высоту!
Добивайте их! Всего хороше...»
Взрыв!.. переходящий в пустоту.

И полёт над белыми горами.
И объятья светоносных рук.

И зиянье боя в чёрной яме.
И – ни слёз,
ни горестей,
ни мук...

III

Мне отец говорил: «Будешь ты пастухом,
Если русский язык, не узнаешь как надо».
И ещё говорил: «Нет ни гор и ни сада,
Где Голодная Степь. Не пробить кулаком
Кладку каменных глыб. А о чём и о ком
Я сегодня молчу – не для глупого стада».

Он смотрел на ружье и на саблю свою,
Но не брал со стены ни того, ни другого.
«Ничего нет острее и убийственней слова.
Говорят, молчуны обитают в раю,
Дремлет в почве зерно и сгорает полова,
Умный – скажет, а глупый – погибнет в бою».

Я запомнил, я вырос, я русский язык
Постигал, как в горах перевалы и тропы,
Я узнал о морях и равнинах Европы,
Я к текучему мерному ямбу привык,
Русских женщин любил, города и сугробы,
Весь огромный, как нежная смерть, материк.

Только детское эхо корановых сур
Окликало меня из родного ущелья.

Я и сам понимал – мне не будет прощенья.
И во сне мне явился великий Мансур
И сказал о джихаде – огне очищенья:
«Будь свободен и прав, но не скучен и хмур!».

Я вайнахом родился, вайнахом уйду.
На границе эпох мы одержим победу!
А иначе навеки исчезнем со свету,
И мой правнук не вспомнит к позору-стыду,
На каком языке и хаджи, и поэту
Довелось окликать нашу боль и беду.

Покосилась и рухнула прежняя крепь.
Необузданным селем валы и плотины
Проломило. Потоки обломков и тины.
Опустела душа, как Голодная Степь.
Но из тьмы выступают седые вершины,
И незыблема вера, как горная цепь.

Мне Аллах помогал. Я был горд и силен.
Как тончайшая струйка кизячного дыма,
Надо мною цвела высоко и сладимо
Даль родимых холмов, вязь любимых имён.
Но одно, лишь одно драгоценное имя
Про себя повторял я, уйдя в батальон.

В круг сойдитесь!
Пусть на поминальных столах
Задымится баранина. Песня прольётся.
Не закрыть и орлу свет горячего солнца.
Только в честном бою помогает Аллах.

Кто свободен и прав – тот живёт и смеётся.
А пленённой душе – впору рабство и прах.

Мы врага победили! Но собственный грех
Угнезвился и вырос в огромного зверя.
Все заветы веков оскверня и похеря,
Мы вдруг стали делить только власть и успех.
И отвесной скалою алчбы и неверья
Наши души гремят, словно полый орех.

Так, в угрюмом упрямстве, я вышел на бой.
Я забыл иль закрылся от слова Мансура.
Путь джихада хранит сокровенная сура:
Жер-тву-ешь ты в огне очищенья – собой!
Выжигашь свой яд, как шайтана-гяура,
Служишь даже бродяге и твари любой.

Мы и сотни юнцов не смогли одолеть.
Как проклятье, как меч, как небесное пламя,
Их веселье и ярость цвели над телами.
И как будто звучала далёкая медь:
То ли звоном литавр, то ли колоколами
В облаках ликовала и плакала смерть.

И когда мы ворвались на ту высоту,
Нам казалось, что мёртвые встали и бьются.
Лишь один мне навстречу успел улыбнуться
И на спину упал, и ушёл за черту,
За которой и месть, и вражда остаются
Слабым звуком, огнём фонаря на свету.

Как поведать бедняге слепому
И обычный и ясный предмет?
Он всё тщится – к тому и другому:
– Объясните, каков белый цвет?!

– «Белый» – это как белого зайца
Белый мех. – Отвечают ему.
– Он пушистый? Он должен казаться
Тёплой варежкой? Я не пойму?

– Нет же, нет, он слепит белизною,
Понимаешь, он бел, как мука.
– Значит мягкий и с негой такую,
Что на нём отдыхает рука?

– Не совсем. Он как снега сиянье,
В нём зима и царит, и поёт.
– Он холодный? Я на расстоянье
Слышу, как снегопад настаёт.

– Вновь не то. Цвет его, словно творог
Чистый-чистый..
– Он столь же сырой?..

.....
Так пустые сомненья и морок
Нас в миру окружают порой.

Всё толкуем, о смысле не зная,
Судим небо от края горшка,
И волим, и клянём, поминая
Имя Господа, как свояка.

В Царство Божие с райскою птицей
Мы желаем войти со Христом.
Но любить, но страдать и трудиться
Будет Пушкин – тогда и потом.

Есмь и я – раб, добра не достойный,
О высоком и светлом учу,
Но и куль, со страды мукомольной,
Мне безсильному, не по плечу.

Тяжко утрами выйти к пришедшим,
Прясть беседы неровную нить.
Тяжко видеть всю грязь в согрешедшем,
И не в силах ему объяснить.

Мир таков. Но погибшие вои
Не его – им открыты глаза.
Вижу: тихо плывёт синевою
Крестный ход и златит небеса.

Ввысь уходят крылатые свечи,
Как Покров, их дорога чиста.
Видел я, как их взяли за плечи,
В пенье славы ввели во врата.

Не скорбите, не бейтесь о камень,
Не хулите царя и судьбу.
Прикоснитесь ко гробу руками.
Знайτε,
наши сыны не гробу!

Их успенье – великая милость.
Их изъяли из мира вражды,
Где душа от незнания томилась
В жажде подвига и высоты.

Их спасли от гибели скуки,
От искуса ничтожных утех,
От угрюмого пьянства, от муки
Бесталанной – по имени Грех.

Жизнь скользит и ко смерти стремится.
Там – клыки, здесь – обрыв и скала.
Лишь любовь не позволяет разбиться.
Лишь любовью Россия цела.

Не в могилах разбойного сада –
Будет рота во веки веков
Рядом с ратниками Александра,
И в ряду Куликовских полков.

Справа – Павлов, а слева – Евпатий.
За спиною – Панфиловцы в ряд.
Все смеются! Все други и братья.
Все приветствуют новый отряд.

Встала слава от Шипки до Бреста,
От Хингана до Южных морей...

Верьте! Радуйтесь!
Рота воскресла.
Бог – свидетель, не врёт иерей.

*17 августа 2000
Новосибирск*

БАЛЛАДА О МОЛОДОМ ГЕНЕРАЛЕ

I

Есть за МКАДом лесные уголья,
Там живёт молодой генерал.
У его высокоблагородья
Я намедни слегка перебрал.

Было скромно: селёдка и грузди,
Два графина, брусники бадья,
Сам хозяин – с улыбкою грусти –
И жена генерала, и я.

Всё расписано в русском застолье:
Тосты, здравицы, смех и печаль,
И, конечно, одна из историй,
За которую жизни не жаль.

Ах, Балканы, седые Балканы!
Где от века – война да война...
– Что ж, по новой наполним стаканы.
За тебя, дорогая жена!

II

Я командовал **тем** батальоном,
Что пустился в рискованый бросок,
Тем, что на́зло брюссельским воронам
Югославию пересёк.

Боевые машины десанта,
Русский флаг и братва на броне!
А под кителем – грудь полосата,
А-ля-гер, мы опять на войне!

Нас встречали вином и цветами,
Нам кричали: – Россия, виват!..
А девочки славянские сами
Были, словно победный парад.

Через горы, цветущие горы,
Где шпалеры лозы золотой,
Где монахов келейные норы
И сокровища веры святой,

Мы промчались под песни и марши
Полям Косова. И за бугром,
Возле Приштины воинство наше
Лихо заняло аэродром.

Нас в Афгане не худо учили
Слышать запах врага за версту,
Зря пендосы ногами сучили
И кричали: – Ату, их, ату!

.....
.....

Трус не знает ни рода, ни веры...
Затворили для нас небеса
И болгары, и румы, и венгры.
А борта́ всё ждала полоса.

.....
.....

Там, где Принципы пулей чреватые,
Глухо ждать милосердия с высот.
Там, где ангелы подслеповатые,
Вряд ли снова Россия спасёт.

III

Дух предательства стелется низко,
Отравляя угаром сердца,
Словно русская Кэт-пианистка,
Мы в плену, но стоим до конца.

Обложили – французы, датчане,
Мерикосы – как бройлеры в ряд,
И себе на уме – англичане
Окружают российский отряд.

И не вырвешься, и не поспоришь...
Лишь албанцы мышкуют своё:
Им КейФОР и помога, и кореш,
И живого товара сбытьё.

Где взорвать, где поджечь или выкрасть,
Где продать человека за грош...
По-холопы – во взрослые игры –
И для Запада будешь хорош!

Наркотрафик – весёлое дело!
Сбыт оружия – тоже бабло...
Хашим Тачи! ты – Нельсон Мандела!
Как же с родиной вам повезло!

IV

Нас мытарили год или боле,
Как умеет лишь еврокагал,
Эту песнь униженья и боли
И Шекспир никогда не слагал.

Никого мы, брат, не защитили,
Не спасли ни ребёнка, ни мать,
И ни храм, ни плиту на могиле
Мы взорвать не смогли помешать.

А погосты росли и гремели
Взрывы чаще, чем грозы в горах.
Воевать мы, конечно, умели,
Только где он – неведомый враг?

Тот ли мальчик в ряжках и заплатках
Из семьи о двенадцати душ,
Что готов за ничтожную плату
Верить в самую чёрную чушь.

Та ли девочка, ангел окраин,
Что пластит волокна в рюкзаке
И расплакалась в нашей охране,
Зажимая два бакса в руке.

Эти пыльные сёла албанцев,
Этот мусорный ветер и стыд!..
Нищету, что готова взорваться,
Нам Господь никогда не простит.

v

Джентльмены галанта и лоска,
Что стоят у беды за спиной,
Отольётся вам девичья слёзка,
Детский страх и торговля войной.

.....
.....

Я жену потерял в Кандагаре,
Когда миной накрыло санчасть.
С той поры только в пьяном угаре
Мог на ласки девчат отвечать.

А увидел Айни в окруженье
Своих скалоподобных бойцов
И забыл о войне, о служенье
И о прошлом, в конце-то концов!

Как рыдала она, как хотела
Умереть, мусульманка Айни,
И тряслась, и глазами блестела,
Как боялась отца и родни.

Мы в рюкзак ей продукты набили,
Я в конвой отрядил четверых,

И когда они в хату ступили,
У семьи переклинило дых –

Каждый был чуть поменьше медведя
И с базукою наперевес.
Я просил передать: вы в ответе
За девчонку – братья и отец.

Если с нею беда приключится,
Не сойдёт вам пластит задарма,
Если вздумает кто сволочиться –
Всем мужчинам кердык и тюрьма.

И смутились они, и поникли,
А старик всё аяты читал,
И склонялся в любви и молитве
В пояс русских солдат – аксакал...

VI

А в Генштабе решили: не худо
Чужедальний поход завершить,
Потому – если ты не Иуда,
Неча вместе с иудами жить.

Нам три месяца дали на сборы,
Чтоб следы замести и забыть.
Ой, вы, горы, скалистые горы!
Как же вас не хвалить, не любить?!

Ой, вы, горы, скалистые горы,
Где шпалеры лозы золотой!
Где за Божьего сада просторы
Мир готов заплатить кровь-рудой.

Адриатики синяя бездна
И зелёные стены долин!..
И пока никому не известна
Оконцовка новейших былин.

Что там будет – позор или слава?
Кто напишет поэму про нас?
Прощевай же, Европа-шалава,
Так похожая здесь на Кавказ!

Нет, не поздно, родимые друзья,
Изваять золотую скрижаль,
Ту, где память любви и поруки,
За которую жизни не жаль...

VII

А в итоге? Что было в итоге
Знает только сверчок-домосед.
Истекали балканские сроки,
И пора было топтать отсед.

Но случились мои именины
И тайком забродил батальон,
Как умеют армейцы-мужчины –
Заговорщики с давних времён.

Перед штабом все роты построив,
Под оркестра удар духовой,
На крыльцо меня вызвали трое,
Образуя почётный конвой.

И в громовом «Ура!» коридоре,
Шаг чеканя, как перед Кремлём,
Мне бойцы, словно грозное море,
Тайный дар поднесли кораблём:

Это судно библейского сада
Всё увитое свежей лозой,
В грузных гроздьях ядра-винограда,
Полных солнца и счастья слезой,

Та корзина плодов побережья,
В розах, лилиях – только взгляни!
Только где же я, Господи, где ж я? –
В той корзине сидела Айни...

ЭПИЛОГ

Это был батальона подарок,
Мне в ауле купили жену,
И купили считай что задаром –
Двести баксов за душу одну.

Я растаял... но принял за шутку,
Мол, отдайте девчонку отцу.
А друзья мне: «Комбат, на минутку,
Эта слава тебе не к лицу.

Как семья была рада калыму,
Как за внучку радел аксакал,
Эту пьесу, а-ля пантомиму,
И Шекспир никогда не слагал.

Нет в исламе дороги обратной,
Нам её не вернуть, командир,
Для расправы отцовою и братней
Можешь гнать, но – позоря мундир.

Ты для них выше графа и князя,
Ты прославишь их землю и род,
Дар Аллаха прими, помоляся,
И с женою в Россию – вперёд!

Мы же видим – мила и желанна,
Да и жизни ещё не конец,
Завтра крестим её, станет Анна,
И, ещё помолясь, – под венец».

.....
.....
.....
.....

Ах, Балканы, седые Балканы!
Где от века – война да война...
– Что ж, по новой наполним стаканы.
За тебя, дорогая жена!

февраль – май 2008
Черногория–Новосибирск–Абрашино

ЛЮДИ ЛЬДА

I

За перевалом Громотуха – уж двести лет одна житуха,
Не любят пришлых и чужих.
С околосемной верхотуры светла долина, горы хмуры,
А белый свет – от сих до сих:

От той гряды, где чернь и золото, до двух хребтов
у горизонта,

Что в синей дымке залегли,
Даль ограждённая, ковчежная, заветная и неизбежная,
Как сон затерянной земли.

По берегам заимки летние, курят, отпугивая слепней,
Дыша овчиной и кирзой,
И от становий вдоль покоса рябит на перекатах Кокса,
Высверкивая бирюзой.

Притормози, ослабь поводья, вот створ и своды
Беловодья,

Странноприимные места,
Раскольники, переселенцы хвалили этот *сад зелёный*
Во славу Господа Христа.

Буддисты и несториане, баптисты, суфьи-мусульмане
И пилигримы всех мастей
Брели сюда, в огне и в духе, чтоб у подножия Белухи
Увидеть свет благих вестей.

Но здешний быт суров и сдержан: ойротский глаз,
кержацкий стержень

И неуступчивый язык.
Винтарь, топор, седло УАЗа, императрицына Указа
Слова про вольный материк.

Не изумись на повороте! Здесь не Лучано Паваротти,
А только небо и вода,
И горы в ангельском обличье поют Отцовское величье...
Странноприимные места.

II

Когда по лету все отары, под звоны, крики, тары-бары,
Мы угоняем на верхи,
То там – лицом перед гольцами, неделями и месяцами
В безлюдье вязнут пастухи.

Тот мир пустынен и просторен. Для человека не проторен
Ледовый путь через кордон,
Жить в окруженье стражи вечной да бессловесности овечьей
От века Авель обречён.

Ни чем не скрасишь полногласной и безответной,
и напрасной
Всё поглотившей тишины,
Молчит луна, молчат собаки, молчат таинственные знаки
Во лбу базальтовой стены.

И только чайник забормочет, задремлет и заклокочет
Над древоядным очагом,
Да о премьерке «Баязета» вдруг явится лоскут газеты
Под мяса вяленным куском.

И там, в груди, у заболони, и зацемит, и захолонет,
И не отпустит ни на миг,
Душа запросится в долины – на пир, на той, на именины,
На женский смех, на детский крик.

Но только духи, только духи, как полумёртвые старухи,
Кудель сомненья и тоски
Растербят, рыдая, ночью, на ключья сна, на веры ключья,
На жуть, давящую в виски.

И примерещится... и выйдут наружу видимые виды,
Высокогорий чудеса:
То едущий по небу витязь, то столп огня, то звёздный выброс,
То призраки, то голоса...

III

Как розы зев, вершина шает и свет до бездны возвышает,
И одиночеством гнетёт.
Сюда, к подножию, на склоны, бредут паломники и клоны,
Разнокалиберный народ.

Туристы и сноубордисты, сенсеи, маги, рерихисты,
Чья страсть азартна и слепа,

Ловцы тарелок, контактёры, расстриги, вечные актёры,
Разноплеменная толпа.

Они у алтаря Природы поют и водят хороводы,
Рисуют мандалы у скал,
Уже в любое время года всё ищут в Шамбалу прохода
Ждут просветления накал.

Но вход зарёю навечерней, как огненным мечом, очерчен,
Что у Привратника в руке,
Никто со дня грехопадения не усыпил его раденья,
Не был с Отцом накоротке.

Но, видно, близость тайны тайной по траектории фатальной
Иных начётников влечёт –
Услышать стук плодов в Эдеме, познать, одолевая время,
И вкус, и шорох вечных вод.

Наверх, по тропам, мимо стойбищ, мол, посвящённые
достоинны

Стать чашей для святых даров...
За поднебесными лугами, где высь одета ледниками,
Найти себе последний кров.

Ввиду алмазного сиянья, они, как Будды изваянья,
Садятся лотосом живым
И замерзают отрешённо, восторженно, замороженно,
Пред ангелом сторожевым.

IV

А по весне, под новым солнцем, когда по осыпям несётся
Рек новорожденных поток,
И до Студёна океана со льдов Алтая и Саяна
Катится вниз живой клубок,

Когда у скальных оснований в черте земных обетований
Уже проталины цветут,
Тогда из ледяной природы выходят мертвецов скульптуры,
Себя оставившие тут.

Лукавому отдавшись духу, как будто стерегут Белуху
Окоченевшие тела,
В них замерли в немом значенье – перерождения мученья
И тайнознанья кабала.

На них наткнувшись, волки воют, их огибает всё живое,
Крик вертолётчика с небес
Их древним матом покрывает, и ничего не согревает
Упокоенья веры без.

Лишь пастухи по милосердию при столкновении со смертью
Над брэнной тенью возведут
Каменногорбые курганы, и медногорлые варганы
Те погребенья отпоют.

И всё останется как было, когда лишь Авеля любила
Медоточивая земля,
Опять по кругу, по теченью, солнцеворотному верченью –
Творенья и любви для.

Уже равны в симпатиях – Далай-
Лама и Мирликийский Николай,
Их рядом садит смуглый дальнобойщик
На хрусткий скотч в углу лобовика,
Пока, пока! Дорога далека...
Самса, манты, да лобио, да борщик,

Шашлык-башлык, потом базар-вокзал,
Поди не всё, приятель, рассказал,
Останется до следующего раза.
До перевала – двести пятьдесят,
Как знамена, там беркуты висят...
О, трубный звук идущего КамАЗа!

Дорогу невозможно победить,
Но лишь – пропеть! Уже не нам судить,
Насколько долгим будет наше эхо.
Вон белый старец посохом грозит
Кому-то... и по воздуху скользит...
Звезда Монгуш глядит в полы прореху...

III

И скрытный люд по сумрачным скитам,
И казаки, пришедшие к братьям* ,
С надежей на Николу Чудотворца
В большом пути, с иконкой на груди,
Молился: «Никола, огради
От козней – всею силой дивноборца!».

---

* Так русские называли бурят или северных монголов, отсюда Братск.

А северный монгол и тубалар*
Или тунгус, везущий на базар
Вязанку соболей и белоснежных
Песцов, и переимчивый ойрат**,
Все повторяли – розно и стократ:
«То старец наш, спаситель безнадежных,

Являвшийся в погибельных местах,
Его халат всегда в косых крестах,
Наш белый старец, самый добрый старец,
Кто с ним пришёл, однако, не враги!»...
И возводили храмы казаки,
И съезжился тьмы худой останец.

Свой частокол слагал полуустан
В живую цепь молитвенных застав
Под строгой башней буквицы заглавной.
Дорога открывалась на Восток,
И лотоса небесный лепесток
Был испещрён молитвой православной.

IV

Надменный нрав подале убери,
Уж коли взял меня в поводьери,
Смотри, мой друг, в заведомые дали,

---

* Ветвь тувинцев в Прибайкалье, современный этноним – тофалар.

** Общее название тюрков-кочевников, населявших Джунгарию, их потомки живут в Туве и на Алтае.

На вечные долины и гольцы,
Отсюда унесли во все концы
Сынов Адама древние сандали.

Краеуголен сон начал времён –
То Святогорья тайный пантеон,
Десятки тысяч каменных курганов!
К столпам златой Прародины взорли,
Сюда со всей Евразии везли
Царей, вождей, шаньюев и хаганов.

Молва гласит о дереве племён,
Под ним сундук неназванных имён,
Что запечатан до конца эона.
От дней Потопа – тризны каждый год,
О сих местах дотошный Геродот:
«Страна могил», – поведал удивлённо.

Вот в эти горы – на Большой Алтай
Является святитель Николай
С заботою о будущем и прошлом,
Пути готовит для Святой Руси,
Прямыми её делая стези
В ядо-кислотном мореке безбожном.

v

Нас настигал, привстав на стременах,
Закат, и в опустелых чайханах
Сошло на нет басовое роенье...

Хребты росли в коралловом огне,
И наши души в колокольной тишине
Опровергали мира нестроенье.

Долины золотистый достархан
Остерегал гранитный истукан
С полудремотным взором ясновидца.
Катунь притихла, обнажив порог,
И бирюзы осенней разворот
Бил по глазам, просил остановиться.

Смеркалось. День сторел – и был таков.
Взгляни на нас, радетель пастухов,
Паломников, бродяг и пилигримов!
Мы расплеснём на дальнем рубеже,
Свирель и рифма в нашем багаже
Да – вера, что поднесь необорима.

Здесь можно необъятное объять,
Лишь эти горы смогут устоять
Под самохвальства гибельным раздраем...
Святитель нам вернуться разрешит,
Ведь мы не хуже тех, кто здесь лежит,
Мы тоже о покое помышляем.

*февраль–март 2004
Новосибирск*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Писать стихи в посттоталитарной России – после великой Криминальной революции – занятие неблагодарное. Не чувствуешь отклика, ощущение, что все заняты «другими делами», что несмотря на литературный девятый вал, нет в современной литературе (а шире – культуре, жизни) чистоты, прозрачности, искреннего культурного аристократизма. Все замутнено мировоззренческой невнятицей и словесной необязательностью. Да и спонтанности тоже не хватает – поэзия в целом выглядит как с усилием выжатая из тюбика паста.

На это накладывается и общий кризис поэзии в «мировом сообществе»: настоящее искусство вымывается из технотронной цивилизации...

И все-таки не писать – нельзя: когда есть вдохновение, дуновение, веяние (любимое слово Аполлона Григорьева), дар Божий.

Им наделен – и вполне щедро – Владимир Берязев. Стихийность (не случайно Павел Васильев – из числа его любимых поэтов) Берязева выверена поэтическим мастерством, в его поэзии много жизни. Пожалуй, я сравнил бы ее с лирическим миром покойного Евгения Блажиевского: пафос и лиризм находятся здесь в непринужденной стихийной спайке. Это поэзия свежая, незакаменевшая, незабронзовевшая в самолюбовании и самозначительности. Правда, иногда ее энергетика переходит в «нахрап», но, слава Богу, намного чаще хороший вкус не изменяет поэту.

Как Россия прирастает Сибирью, так и поэзия ее центра прирастает сибирскими литературными самородками, в той или иной степени отшлифованными культурой. Кислород поэтического мира Берязева – ей в помощь.

*Юрий Кублановский.
3 декабря 2007, Париж*

СОДЕРЖАНИЕ

I

«На берегу обезлюденном...»	7
«Если есть под рукою песок и зола...»	9
Parnassius apollo	10
«Не сочиняй, не придумывай, просто смотри...»	12
В горах	13
«В пимах, в полушубке раскрытом...»	14
«А станционный смотритель...»	15
«Наливала стакан молока...»	17
На веранде	19
Сердце-облако	21
«Ангел мой...»	22
«И вновь собеседника нет у меня...»	23
В переулке рыжего Парижа	24
«Чёрный куб...»	25
«Я с Господом, наверно, параллелен...»	27
«Весь январь в Сибири минус три...»	28
«По темпу, по тембру, по тромбу ли...»	29
«Ко мне в субботу, тихо...»	31
Маруся	33
«Встал с утра. Носок заштопал...»	35
«Зачем на фейсе президента...»	36
ЗВОНОК ПИФИИ. <i>Поэма</i>	37

II

«Ты купишь мне цветущий цикламен...»	55
«Меж рам заплутавшая муха...»	56
Будьте прохожими	57
Песенка маме	58
Девушка с плеером	60
«Малого слова пагуба...»	61
Дерева в объятых снегопада	62
«Залив Таманский пепелен и нем...»	63
«Обнажённый песок...»	64
«Бродить среди скал...»	66
«И след за кормою...»	67
«Мне сосед предложил две молочных козы...»	69
«На Большом Яломане вдоль русла лёд...»	70
Призрак Селенгинска	71
«Я уже устал от кока-колы...»	74
«Когда бы не кочевний бег...»	75
«Где говорят на русском языке...»	76
«Рахмат – судьбе, а времени – welcome...»	77
Сибирский экспорт	78
«Самое главное – это стихи...»	79
«Загрустит над срубом журавель...»	80

III

Землетрясение	83
Аристей	85
«Что заставляет душу живу...»	87

«Снова коровы ревут...»	88
«Снегири садятся на сирень...»	89
Хабаровск–Москва. 14 февраля 2007	90
«Грошика, медного грошика...»	92
«Колодезного холода бадья...»	93
Синичья смерть	94
«Мне остался один только шанс...»	95
Из Галича. <i>Песня</i>	96
«Из подъезда – морозный пар...»	98
«Андре, Андрюха, Андреас, Андрон...»	100
«Ёксель-моксель или гоголь-моголь...»	101
«Пахнет лагуной “Lacoste”...»	102
Два чёрных ворона. <i>На воссоединение русской Церкви</i>	103
Луковки	105

IV

«Чёрные птицы над Обью...»	109
Стременная	110
«По Телецкому озеру...»	111
«Этот дождь продолжается дольше, чем помнит душа...»	112
«Мягкие, вялые, тёплые губы...»	113
«Чурай, душа, червовой страсти миг...»	114
«Поздно, братец мой, мне быть альфонсом...»	115
Местоимение	116
«Утробное ничтожество моё...»	117
Воспоминанье об Эдварде Мунке	118
«За дощатой, просящей пощады...»	119
«Кошки серы. Музы глухи...»	120

«В подвале забытом бухали с Бахытом...»	121
На дебаркадере	122

V

«Версия для печати: “лепо ли нам начати”...»	125
Два инспектора. <i>Таёжно-политическая быль</i>	126
«Друг задремал...»	130
«Золоторогим пельменем луна взошла над Ильгуменем...» ..	132
«Кабы я читал “Майн кампф”...»	133
«Тыкву потяну за оселедец...»	134
МЧС-каган	135
«На бетонной тулье цирка...»	137
На родине Аксакова	138
«Не учи, родная, йогу...»	140
Новый способ копки картошки	142
Песенка о мире	143
Пимы	144
Размышление после падения с бревна	145
Рождественская открытка	146
Сказка	148
«Слог возвышенный исправя...»	150
Страшилка	151
«Из Лондона, как из подводной лодки...»	153
Преображение	155
«– Караванщик, караванщик...»	156
Ретро-песенка	158
«Увядают листья пеларгонии...»	160
«Ещё задолго до Дельфийского оракула...»	161

Из Кирши Данилова. <i>Песня</i>	162
«Мы с тобою служили и служим...»	164
«То ли гарпии, то ли сирены...»	165
«Я всю ночь выпивал с богоизбранным братом...»	167

ПОЭМЫ

СОГЛЯДАТАЙ	171
ПСКОВСКИЙ ДЕСАНТ	180
БАЛЛАДА О МОЛОДОМ ГЕНЕРАЛЕ	196
ЛЮДИ ЛЬДА	205
БЕЛЫЙ СТАРЕЦ	211
<i>Юрий Кублановский</i> . Послесловие	216

Берязев В.

Б52 Золотоносная мгла: Книга новых стихов и поэм. – М.: Водолей Publishers, 2008. – 224 с.

ISBN 978–5–9796–0046–8

В последние годы стихи и поэмы Владимира Берязева широко публикуются в изданиях России, Германии, Казахстана и Белоруссии; он – постоянный автор «Нового мира», «Нашего современника», «Крещатика», «Зарубежных записок», а также возглавляемого им журнала «Сибирские огни».

В. Берязев родился в г. Прокопьевске, в Кузбассе, издал шесть поэтических книг и роман в стихах «Могота». Живет в Новосибирске.

В книге «Золотоносная мгла» собраны произведения, написанные в предшествующие 5-7 лет; большая часть из них ранее была опубликована в периодике и на интернет-сайтах.

ББК 84 (1Рос=Рус) 6-5

Берязев Владимир Алексеевич

Золотоносная мгла

Книга новых стихов и поэм

Технический редактор *А. Ильина*

Корректор *Н. Кондратьева*

Подписано в печать 15.10.08. Формат 70x108/32

Бумага офсетная. Гарнитура Петербург

Печать офсетная. Печ. л. 7

Тираж 500 экз. Заказ №

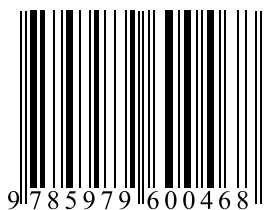
Издательство «Водолей Publishers»

119330, г. Москва, ул. Мосфильмовская, 17-Б

E-mail: agathon@rambler.ru

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

97859791600468